

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

Ценсура.

1830—1865.

„Le plus cruel des despotismes, c'est l'arbitraire de l'ignorance".
Anonyme.

Учрежденія, создаваемые людьми для регулированія управленій жизни народовъ, составляютъ живыя умственные существа (*êtres de raison*). Эти невещественныя личности подчиняются однако-жъ общиму бытовому условіямъ; совершая предназначенный имъ циклъ, они проходятъ обыкновенныя фазисы всякой органической жизни. Имѣя назначеніемъ достиженіе упомянутой цѣли, они должны неотступно слѣдовать за роковыми фазисами жизни народа, развиваться вмѣстѣ съ ея развитіемъ, видоизмѣняться сообразно съ возникающимъ въ ней новыми потребностями, порождающими новыя формы жизненныхъ управленій.

Слѣдуя такому правильному ходу, учрежденія со временемъ перерождаются до того, что первоначальный ихъ характеръ почти совершенно сглаживается; остаются неприкосновенными одни лишь коренныя основы, на которыхъ и для которыхъ они были построены. Тогда основы эти облекаются уже въ новыя формы, сообразныя съ появившимися новыми условіями.

Таковъ естественный ходъ, такова судьба всѣхъ человѣческихъ установленій и всѣхъ законодательствъ. Удерживать, во что бы то ни стало, отжившій *status quo*—это насиловать натуральный порядокъ, это вводить разладъ между справедливыми доказательствами прогресса и учрежденіями, и, вмѣсто нормальныхъ, создавать ненормальныя, искусственныя и тѣмъ самымъ стѣснить

тельные положенія, и потому счастливо то политическое тѣло, члены котораго не томятся въ долгомъ ожиданіи осуществленія разумныхъ своихъ пожеланій, гдѣ сама власть одновременно съ обществомъ уразумѣваетъ насущныя потребности и соображаетъ съ ними постепенное развитіе учреждений. На такомъ естественномъ пути прогресса совершились у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе благодѣтельные преобразованія всѣхъ прежнихъ установленій. Въ числѣ ихъ цензура подверглась такимъ измѣненіямъ, что недавнее прошедшее ея должно считать переселившимся уже въ царство тѣней, и будемъ надѣяться, что говорить о ней уже возможно, какъ объ учрежденіи, совершившемъ свой циклъ безвозвратно. *Que la terre lui soit légère!*

Я имѣю нѣкоторое право считать себя свѣдущимъ въ біографіи покойной цензуры: сперва какъ издававшій въ Петербургѣ, съ 1830 по 1858 годъ, политико-литературную газету, на польскомъ языкѣ, а потомъ, съ 1853 по 1865 годъ, какъ членъ главныхъ управленій по дѣламъ печати.

Согласно этимъ различнымъ положеніямъ, обзоръ періода 1830—1865 годовъ естественно раздѣляется на два разнохарактерныхъ разсказа. Для полноты этихъ разсказовъ необходимо представить прежде всего подробности перваго изъ такихъ положеній.

I.

Въ 1820-хъ годахъ польская періодическая пресса находилась въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Въ Вильнѣ издавался «Литовскій Курьеръ» (*Kurier Litewski*), собственность генерала Влодека, доставшаяся ему по наслѣдству. Газета эта, арендуемая Марцинкевичемъ, выходившая три раза въ недѣлю, заключала въ себѣ одни внутреннія и заграничныя извѣстія; никакой литературы въ ней не было и главнымъ матеріаломъ ея были официальные объявленія, на которыя изданіе это имѣло исключительную привиллегію. Оно вообще редактировано было съ крайнею небрежностью, рассчитывая на упомянутыя объявленія, содѣлывавшія газету необходимою для присутственныхъ мѣстъ, для всѣхъ должностныхъ и многихъ частныхъ лицъ. Почти

тоже самое было и въ Варшавѣ. Тамъ любимцемъ читающей публики постоянно былъ летучій ежедневный листокъ: «Варшавскій Курьеръ», болѣе чѣмъ на половину наполненный чисто мѣстными извѣстіями о загородныхъ гуляньяхъ, завтракахъ, «подвечеркахъ» и т. п., съ плохими шарадами и каламбурами. Другія варшавскія газеты не давали ничего собственно литературнаго. Онѣ наполнялись отчасти утилитарными, отчасти критическими статьями, но эти послѣднія сами были ниже всякой критики, какъ это доказано Мицкевичемъ въ его знаменитомъ «Предисловіи» къ петербургскому изданію его стихотвореній. Вообще въ тогдашней польской письменности чувствовался недостатокъ серьезнаго изданія, которое было бы проводникомъ текущей литературы и распространяемой университетами науки.

Въ 1829 году, трое насъ, товарищей по Виленскому университету: Францискъ Малевскій, Александръ Парчевскій и я, по внушенію и какъ бы по уполномочію другихъ товарищей, въ томъ числѣ Мицкевича, рѣшились на попытку осуществить давно задуманное намѣреніе — издавать въ Петербургѣ газету на польскомъ языкѣ, которая хотя отчасти восполняла бы упомянутый недостатокъ, открывая поле для дѣятельности даровитыхъ писателей молодого поколѣнія, не находившей себѣ простора. Никто изъ насъ въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой опытности, но ее, какъ показали послѣдствія, замѣнило трудолюбіе и усердіе въ благонамѣренной цѣли.

Наша ассоціація составила на слѣдующихъ основаніяхъ: для первоначальныхъ издержекъ мы положили капиталъ въ 6,000 рублей асс., изъ котораго я внесъ половину, а два участника — по $\frac{1}{4}$. Въ такой же соразмѣрности мы должны были дѣлить между собою доходъ отъ подписки и убытки, въ случаѣ недостаточности ея.

По особымъ уваженіямъ, званіе, права и обязанности отвѣтственнаго издателя-редактора, съ полнымъ «*jus gladii*», предоставлены были мнѣ, и въ исходѣ 1829 г. я исходатайствовалъ разрѣшеніе издавать въ Петербургѣ, на польскомъ языкѣ, политико-литературную газету, по одному разу въ недѣлю, подъ названіемъ «*Tygodnik*» («Еженедѣльникъ»). Кромѣ обыкновенныхъ объявленій и нѣсколькихъ писемъ къ тѣмъ, которыхъ призывали въ корреспонденты, мы не сдѣлали ничего для приобрѣтенія заранѣе подписчиковъ. О печатаніи газеты я заключилъ договоръ съ управленіемъ

военной типографіи на довольно выгодныхъ условіяхъ; предъ частными подобными заведеніями оно имѣло то преимущество, что не закрывалось въ опредѣленные часы, посылать «оригиналь» для набора и дѣлать корректуру можно было и поздно ночью. Два отряженные для меня наборщика, которымъ я платилъ хорошее жалованье, очень скоро выучились набирать съ польскаго письма, хотя не понимая ни слова ¹⁾. Во весь періодъ своего существованія, съ 1830 по 1859 годъ, газета печаталась въ той же типографіи.

Въ первомъ году изданія, 1830 г., наша ассоціація приготовилась было встрѣтить дефицитъ, но это опасеніе не оправдалось; въ концѣ года намъ пришлось получить изъ чистой прибыли небольшой дивидендъ. Видя въ этомъ хорошее предзнаменованіе и имѣя порядочный запасъ матеріаловъ, я предположилъ издавать съ 1831 года газету по два раза въ недѣлю, увеличивъ число листовъ, но не увеличивая годовой платы 50 руб. асс. (въ послѣдствіи переложенной въ 15 руб. сереб.) и сохраняя первоначальное названіе. Такъ, безъ измѣненія, газета издавалась уже до конца 1858 года включительно ²⁾.

Въ теченіе своего существованія «Тигодникъ» годъ отъ году пріобрѣталъ болѣе извѣстности и доброй славы. Я это говорю откровенно и смѣло потому, что за такіе успѣхи на мою долю собственно приходится мало заслуги. Всѣ—рѣшительно всѣ знаменитые того времени писатели содѣйствовали этимъ успѣхамъ: они постоянно сообщали для моей газеты не только отдѣльныя статьи, но и не мало произведеній, составляющихъ цѣлые томы, которые печатались фельетонами. Въ той и другой формѣ «Ти-

¹⁾ Одинъ изъ примѣровъ удивительной понятливости русскаго челоѣка. Однажды, въ 1846 году, императоръ Николай I посѣтилъ военную типографію, очень замѣчательную по громадности производимыхъ въ ней работъ и образцовому порядку. Обходя съ военнымъ министромъ огромную залу, гдѣ работали десятки людей и на одной такъ называемой «кассѣ» замѣтивъ набирающихъ съ польскаго оригинала мою газету, государь спросилъ наборщиковъ: понимаютъ-ли они по-польски?—«Никакъ нѣтъ-съ в. и. в.», былъ отвѣтъ.—«Какъ же вы можете набирать?»—«По привычкѣ, в. и. в.». Тогда, обратившись къ министру, Николай Павловичъ сказалъ: «Il faut que j'amène ici l'impératrice, je lui montrerai des machines, comme il n'y en a pas en Angleterre. (Надо бы привести сюда императрицу посмотрѣть такія машины, какихъ и въ Англіи нѣтъ).

²⁾ Вскорѣ потомъ газета перешла въ полную мою собственность, съ обязанностью выплачивать одному изъ участниковъ извѣстный процентъ отъ чистой прибыли. Другой соучастникъ уступилъ мнѣ вполне свое право. О. П.

годникъ» заключилъ въ себѣ множество литературныхъ и научныхъ произведеній: митрополита Головинскаго, Ромуальда Губе, Ник. Малиновскаго, графа Генриха Ржевускаго, Элеоноры Штюрмеръ (псевдонимъ), Ходзько, М. Грабовскаго, І. Крашевскаго, К. Малевскаго, К. Буйницкаго, графа Холонѣвскаго и многихъ другихъ. Такимъ образомъ собраніе нумеровъ моей газеты за двадцать девять лѣтъ, начиная съ 1830 года, остается живымъ памятникомъ и лучшимъ представителемъ польской письменной интеллигенціи за этотъ періодъ. Мое личное участіе въ литературной части газеты ограничивалось критическими разборами новыхъ книгъ, полемикой въ необходимыхъ случаяхъ и юмористическими статьями изъ петербургской и обще-европейской жизни. Впрочемъ, я не писалъ ничего подъ моимъ именемъ, а нѣкоторыя статьи и въ моемъ, и въ другихъ изданіяхъ подписывалъ или буквами І. Е. герба Г., или Е. G., или псевдонимами: Фалена, Микросъ, Ципринусъ. Существенная же дѣятельность моя состояла въ строгомъ выборѣ всего, что печаталось и въ постоянной заботѣ о сохраненіи въ моемъ изданіи непривосновеннымъ однажды избраннаго, зрѣло обдуманнаго направленія. Если по особымъ уваженіямъ помѣщались иногда статьи, хотя нѣсколько расходящіяся съ моимъ образомъ мыслей, то это всякій разъ оговаривалось въ выноскахъ, въ формѣ мотивированнаго протеста редакціи. Это не всѣмъ нравилось, но мнѣ казалось необходимымъ для того, чтобы изданіе, въ своемъ цѣломъ, сохранило ненаружимыми свои принципы, свой характеръ и колоритъ, и этого я достигъ.

Предпріятіе основалось при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время продолжалась мода на все польское; такое происхожденіе служило хорошею рекомендаціею и въ обществѣ, и для службы. Одноплеменнымъ съ русскими полякамъ легко было бы изъ такого расположенія извлечь и частную для себя выгоду, и способствовать общей пользѣ, во всякомъ же случаѣ пріобрѣсть то значеніе, которое, вопреки общественному чутью, упрочили за собою иноплеменные туземцы одной изъ окраинъ имперіи. Но поляки не сумѣли этимъ воспользоваться. А между тѣмъ наступилъ 1830 годъ и плачевныя событія послѣднихъ мѣсяцевъ этого года въ одно мгновеніе превратили прежнее расположеніе въ противоположное чувство. Появленіе въ слѣдующемъ году холеры,

которую невѣжество приписало польской интригѣ, сдѣлало положеніе поляковъ въ Петербургѣ тѣмъ болѣе тяжелымъ, что (*mirabile dictum!*) и многіе изъ образованныхъ классовъ повѣрили этому гаму неразумной толпы ¹⁾.

Но до наступленія таковаго переворота, моя газета считала уже почти годъ существованія и въ это время она возбудила сочувствіе и въ той части русской публики, которой не чужды были польскій языкъ; въ русскихъ изданіяхъ появились переводы замѣчательнѣйшихъ статей «Еженедѣльника».

Съ конца 1830 года газета «Тигодникъ» сдѣлалась органомъ самаго энергичнаго осужденія преступнаго варшавскаго движенія и не престаивала всѣми силами противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, которыми, подъ знаменемъ лже-патріотизма, значительная часть польскаго народа вовлечена была въ преступленіе и пагубу. Для таковаго противодѣйствія, какъ и для всякаго ратоборства за правду, въ виду господствовавшаго въ царствѣ и западномъ краѣ фанатизма, требовалось не мало не только гражданскаго мужества, но и самоотреченія, такъ какъ газета и ея редакторъ съ такимъ направленіемъ не могли нравиться тогдашней польской публикѣ.

Въ 1832 году правительство присвоило нашей газетѣ названіе и права официальной газеты Царства Польскаго.

Почти одновременно, кажется въ началѣ 1833 г., редакторъ, вмѣстѣ съ четырьмя товарищами его по университету, остававшимися, какъ и онъ, въ государственной службѣ, парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ были приговорены къ смерти и казнены по портретамъ на Батиньольскомъ полѣ.

Все это сказано для того, чтобы показать, что «Тигодникъ» заслуживалъ полнаго довѣрія со стороны правительства, представлялъ всѣ ручательства благонамѣренности и преданности долгу. За всѣмъ тѣмъ, по возникновеніи польскаго мятежа, положеніе редакціи, особенно при тогдашней взыскательной ценсурѣ, содѣлалось крайне деликатнымъ, хотя, впрочемъ, взыскательность эта и не могла устрашать меня. То, что мы сами, я и мои сотрудники по редакціи, писали, не могло возбуждать даже сомнѣ-

¹⁾ Смори мою статью въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ X.

нія; для статей же, сообщаемыхъ посторонними, я былъ самымъ строгимъ цензоромъ. Одно, о чемъ я молилъ Провидѣніе, это, чтобы моимъ цензоромъ былъ умный человѣкъ, такой, который понималъ бы все въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано; не искалъ бы, какъ французы говорятъ, «полдня въ четырнадцатомъ часу», и на бѣлой бумагѣ между строкъ не усиливался читать то, чего тамъ нѣтъ. Я давно сдѣлалъ замѣчаніе, что, въ своемъ описаніи «Ада», Данте пропустилъ одно изъ тяжкихъ человѣческихъ мученій: это положеніе редактора журнала, имѣющаго дѣло съ глупымъ цензоромъ, и вотъ чего я страшно боялся на этомъ еще свѣтѣ.

О ценсурѣ вообще я составилъ себѣ собственную теорію; она чрезвычайно упрощала взаимныя отношенія печати къ наблюдательной власти и содѣлывала излишнимъ особый ценсурный уставъ, хотя таковой и красовался въ общемъ сводѣ законовъ. Продолжая мои изданія 29 лѣтъ и, въ наиболѣе щекотливомъ положеніи польской газеты въ Петербургѣ, не подвергшись ни разу взысканію, я собственнымъ опытомъ убѣдился въ практичности моей теоріи. Она заключается въ слѣдующемъ:

Для удовлетворительнаго, по возможности безошибочнаго сужденія о какомъ бы то ни было предметѣ, прежде всего необходимо уяснить себѣ его всесторонне, изслѣдовать конечное, внутреннее значеніе предмета и, такимъ образомъ, приведя вопросъ о немъ къ наипростѣйшему выраженію, сопоставить съ ближайшимъ ему по аналогіи, вполне уясненнымъ и окончательно уже определеннымъ предметомъ. Тогда, подобно математическому процессу, не упуская руководящей нити, добытой изъ извѣстнаго, искать по ней неизвѣстнаго. Внутреннее значеніе и самое назначеніе цензуры, подвергнувъ такой аналитической операциі, ближайшимъ аналогическимъ къ нему терминомъ окажется значеніе и назначеніе полиціи.

Полиція же есть учрежденіе, имѣющее цѣлью дѣйствующіе въ данной странѣ, въ данное время, писанные законы приводить въ фактическое исполненіе и предотвращать всякое, также фактическое ихъ нарушеніе. Слѣдовательно, то, что требуется отъ полиціи въ области матеріальныхъ дѣяній, требуется отъ цензуры въ кругѣ дѣйствія интеллектуальномъ: сущность и той, и другой

одинаково, хотя и въ различныхъ сферахъ, состоитъ въ охраненіи отъ нарушенія дѣйствующаго закона.

Изъ этого слѣдующія заключенія:

Цензура, бывъ ни что иное какъ полиція печатнаго слова, не нуждается для своего руководства ни въ какомъ специальномъ уставѣ; во всемъ, что приходитъ къ ея сужденію, она должна имѣть въ виду общіе обязательные законы. По такому взгляду, всякія разсужденія и апологіи о томъ, что закономъ предписывается или чего законъ не запрещаетъ, слѣдуетъ считать позволительными и наоборотъ — не допускаться.

Законодательства всѣхъ цивилизованныхъ государствъ согласны между собою въ главныхъ основаніяхъ. Всѣ имѣютъ цѣлью охранять установившуюся форму правленія, упрочивать въ странѣ порядокъ и спокойствіе на началахъ религіи и нравственности, обезпечивать правильное отправленіе правосудія и администраціи и давать наилучшее направленіе народному просвѣщенію. При примѣненіи однако-жъ этихъ общихъ положеній, представляются слѣдующія уваженія. Въ тѣхъ же цивилизованныхъ государствахъ, кромѣ писанныхъ, существуютъ и соблюдаются законы и неписанные, почти на столько же обязательные. Это — правила приличія и общежитія во всѣхъ ихъ примѣненіяхъ, начиная съ личныхъ, затѣмъ общественныхъ до государственныхъ и до между-народныхъ. Сверхъ того, тогда какъ для сужденія о позволительности, или непозволительности дѣянія, наблюдательная власть, полиція, имѣетъ прямой, наглядной критерій въ буквѣ закона, подобное сужденіе въ области печатнаго слова требуетъ особой способности, особаго чутія для оцѣнки отношеній печатаемаго къ писанному и неписанному закону, такъ какъ искусившіеся въ писательскомъ дѣлѣ нерѣдко успѣваютъ, затемнивъ эти отношенія, обойти и тотъ, и другой законъ.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ сами собою явствуютъ условія, необходимыя для правильнаго дѣйствія цензуры, гдѣ она существуетъ, и для полученія тѣхъ результатовъ, для которыхъ учреждена.

Первое изъ этихъ условій есть самый строгій, самый цѣлесообразный выборъ лицъ — исполнителей требованій учрежденія. Дабы въ лицѣ цензора соединены были ручательства и для власти, въ соблюденіи ея интересовъ, и для частныхъ лицъ, въ обезпе-

ченіи ихъ отъ притѣсненій, нужно, чтобы онѣ знали писанные и неписанные законы, чтобы были не чужды ходу общихъ политическихъ дѣлъ, общественному быту и движенію, не чужды наукамъ и литературѣ, а болѣе всего, на столько уменъ, чтобы взгляды и сужденія его не шли въ разрѣзъ степени общественнаго развитія въ предѣлахъ законности. Надо бы сказать себѣ однажды навсегда, что хорошій цензоръ есть своего рода эстетическая спеціальность, и что если гдѣ фамусовскій фаворитизмъ вреденъ, такъ это по преимуществу въ назначеніи цензоровъ. И предвидѣть невозможно, сколько вреда и частнымъ интересамъ, и общей пользѣ можетъ причинить на этомъ мѣстѣ человекъ, неспособный по чему-либо: по незнанію, по излишней мнительности съ одной стороны, а съ другой—по ложному либерализму и жаждѣ популярности, хотя, впрочемъ, послѣднее случается у насъ очень рѣдко.

По такомъ уясненіи себѣ всѣхъ сторонъ положенія, при чистотѣ намѣреній и отсутствіи всякаго лицепріятія, я имѣлъ право ожидать, что мнѣ будетъ возможно спокойно слѣдовать по пути избраннаго поприща.

Моей газетѣ, при ея дебютѣ, посчастливилось и въ ценсурномъ отношеніи. Съ 1830-го по 1847 годъ исключительно она находилась въ разсмотрѣніи людей умныхъ, образованныхъ и вполне знающихъ польскій языкъ. Это были, одинъ послѣ другаго, К. С. Сербиновичъ, Ѳ. П. Сенковскій, П. П. Гаевскій, Иг. Іакъ. Ивановскій; два изъ нихъ занимали профессорскія каведры въ университетѣ. Въ этомъ періодѣ «Тыгодникъ», не встрѣчая нераціональныхъ препятствій, помѣстилъ въ себѣ замѣчательнѣйшія статьи и цѣлыя сочиненія лучшихъ современныхъ, выше поименованныхъ писателей.

Но за этимъ періодомъ послѣдовалъ и продолжался почти девять лѣтъ другой, который можно бы назвать смутнымъ временемъ газеты. Несмотря на то, что въ 1848 и 1849 годахъ, по случаю революціонныхъ волненій во всей Европѣ, бдительность цензуры была естественно возбуждена и строгость ея усилена, «Тыгодникъ», однако-жъ, всегда вѣрный своимъ основнымъ началамъ, не преставаъ бы процвѣтать по прежнему, если бы былъ оставленъ въ своемъ прежнемъ нормальномъ положеніи относительно наблюдавшей за нимъ власти. Но, въ сожалѣнію,

сперва съ 10-го сентября 1847 по 1851 годъ, а потомъ, съ малымъ промежуткомъ, по 1857 годъ, газета попала въ руки двухъ новыхъ личностей, впрочемъ, очень почтенныхъ, но вліяніе которыхъ отразилось на ней самымъ тяжелымъ образомъ. Я и теперь удивляюсь себѣ, какъ у меня достало на столько силы воли, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ продолжать изданіе. Оно, лишенное всякаго литературнаго достоинства, всякой занимательности, должно было компрометировать меня въ глазахъ читателей, которые не могли уяснить себѣ причины такой внезапной перемѣны, которой я не могъ имъ объяснить.

Причины такого неблагоприятнаго вліянія двухъ разновременно, но одинъ за другимъ, ценсуровавшихъ «Тигодникъ», были различны и чисто—личны, но отъ этого мнѣ было не легче. Первый, умный и ученый, не былъ официальнымъ ценсоромъ; онъ занималъ значительное положеніе въ ученой сферѣ и былъ имъ очень занятъ. Обязанность ценсуровать мою газету была ему навязана сверхъ настоящаго его званія и навязана безъ всякаго за то вознагражденія, потому только, что онъ зналъ польскій языкъ. Онъ самъ откровенно признался мнѣ, что при отвѣтственности, которая въ тогдашнее тревожное время лежала на ценсурѣ, и при своихъ занятіяхъ, едва-ли онъ можетъ считать обязанностью давать себѣ трудъ вникать съ полнымъ ценсорскимъ вниманіемъ въ смыслъ литературныхъ произведеній: трудъ былъ бы не производительный, а рискъ напрасный. Я и самъ не могъ не сознать нѣкоторой основательности такого реального взгляда, и долженъ былъ отказаться отъ всякой литературы, ограничась въ моей газетѣ официальными внутренними, полуофициальными иностранными извѣстіями и самою невинною, безцвѣтной смѣсью. Такимъ образомъ осталась недоконченною въ «Тигодникѣ» одна прекрасная повѣсть Крашевскаго.

Я не былъ такъ близко извѣстенъ моему полу-ценсору, чтобы пользоваться такимъ его довѣріемъ, какое имѣли ко мнѣ его предшественники,—до такой степени, что одинъ изъ нихъ подписывалъ не читавши мои корректуры и ни разу въ этомъ не раскаялся.

Другой, читавшій мое злополучное изданіе во второмъ періодѣ тяжелаго времени, былъ уже официальнымъ ценсоромъ. Но онъ, кромѣ чрезвычайной боязливости, имѣлъ одинъ маленький

недостатокъ: онъ не зналъ ни слова по-польски ¹⁾. При всемъ расчетѣ времени на долю его мнительности, я не могъ не замѣтить, что мои корректурные листы онъ продерживалъ слишкомъ долго, часто до поздней ночи. Но я пересталъ удивляться этому, когда узналъ, что каждый разъ онъ посылаетъ за однимъ студентомъ, уроженцемъ западнаго края, который переводитъ ему устно каждое слово. По устраненіи этого лингвистическаго—выступали на сцену интеллектуальныя препятствія. Почти каждое слово, переведенное съ грѣхомъ по поламъ, возбуждало сомнѣніе, вызывало колебанія и нескончаемыя размышленія. Въ результатѣ, цензоръ многое самъ исключалъ, большую же часть статей останавливалъ для доклада ценсурному комитету. Не производя самъ и не пропуская ничего даже сомнительнаго, я напрасно въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ старался постигнуть тотъ умственный процессъ, который моего ценсора дѣлалъ такимъ, какимъ онъ былъ. И до сихъ поръ я остаюсь въ невѣдѣніи, чего онъ хотѣлъ, чего боялся и чѣмъ можно было угодить ему? И при немъ я принужденъ былъ отказаться отъ всякой литературы, отъ всякихъ статей съ разсужденіями и умозаключеніями. Газета болѣе чѣмъ когда-нибудь осуждена была на пошлую, прозябательную жизнь. Дабы никто не могъ заподозрить меня въ преувеличеніи и дабы дать понятіе о такомъ ценсорѣ и о моемъ тогдашнемъ положеніи, приведу изъ многихъ слѣдующіе два примѣра.

Отъ знаменитаго владѣльца сахарнаго завода, волынскаго помѣщика Зенона Головинскаго, я получилъ письмо изъ Брюсселя, которымъ онъ просилъ напечатать, что въ этомъ городѣ видѣлъ примѣненіе къ фабрикаціи сахара ново-выдуманнаго процесса, по коему кристаллизованный рафинадъ получается въ одни сутки прямо изъ свѣжаго свежловичнаго сока. Авторъ письма предостерегаетъ фабрикантовъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ другихъ нововведеній до его возвращенія въ имѣніе, а тогда онъ всѣмъ сообщитъ новый способъ, которому теперь учится въ Бельгіи.

Что могло быть ценсурно-невиннѣе этой статьи? Это такъ казалось мнѣ, двуглазому простому смертному. Но мой стоикий Аргусъ высмотрѣлъ въ ней нѣчто такое, что заставило его отло-

¹⁾ «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable».

жить статью для внесенія ея въ комитетъ. Если бы по этому случаю назначена была премія за догадливость, то и тогда, я увѣренъ, нѣкто не нашелъ бы того, что затруднило моего цензора. Я отправился къ нему съ подлиннымъ письмомъ. Тутъ на мой вопросъ г. А., всячески извиняясь передо мною, сказалъ:

— Помилуйте, я не могъ неусумниться: въ статьѣ говорится и о кристаллизаци, и о центробѣжной силѣ, и о распространеніи новости въ краѣ. При томъ же изобрѣтатель—Руссо! Не ясно-ли тутъ видна аллегорія?

Я не зналъ, что отвѣчать и, на силу удержавшись отъ смѣха, поворился въ надеждѣ, что комитетъ разрѣшитъ статью. Не тутъ-то было, къ довершенію курьёза, письмо Головинскаго было окончательно запрещено. Но баково было удивленіе и первой, и апелляціонной инстанціи, осудившей его за коварную аллегорію, когда недѣли чрезъ двѣ послѣ такого рѣшенія въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» появилась испрошенная г. Руссо привилегія на его изобрѣтеніе. Тогда цензоръ наивно, и даже не покраснѣвши, сказалъ мнѣ, что теперь къ напечатанію письма Головинскаго «препятствія не имѣется».

Другой курьёзъ былъ слѣдующій:

Въ химіи съ давняго времени оставался нерѣшеннымъ вопросъ: что такое кураре (Curae), страшный ядъ, которымъ дикіе Южной Америки и нѣкоторыхъ острововъ напиваются свои стрѣлы, кинжалы, и т. п., и который мгновенно причиняетъ смерть отъ малѣйшей раны. Наконецъ, Гумбольдтъ въ послѣднее свое путешествіе разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ видѣлъ и описалъ какъ готовятъ ядъ. Это—экстрактъ корней дерева, растущаго въ гніющихъ водахъ тропическихъ странъ, изъ рода *Strychnos*, вида *Strychnos toxifera*. Къ экстракту дикіе прибавляютъ еще яда гремучей змѣи (*Crotalus horridus*) и другой *Trigonosephalus lachesis*. Найдя извѣстіе объ этомъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, я повторилъ его въ отдѣлѣ смѣси. Неудивительно, что проныкательный цензоръ, убоявшійся кристаллизаци сахара, устранился также и кураре. Онъ удержалъ статейку для представленія на разрѣшеніе своего ареопага. Когда я спросилъ его о причинѣ, то онъ, съ свойственною ему тонкостію соображенія, отвѣчалъ:

— Это извѣстіе можетъ послужить злему человѣку рецептомъ для составленія такого смертоноснаго вещества.

Напрасно я представлялъ, что для этого злему человѣку нужно бы совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ растетъ дерево и гдѣ живутъ названныя змѣи; цензоръ былъ непреклоненъ. Комитетъ однако-жъ на этотъ разъ не раздѣлилъ съ нимъ его ультра-гуманнхъ опасеній.

Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, повторявшихся регулярно два раза въ недѣлю въ моихъ корректурахъ, но думаю, что и двухъ достаточно, чтобы дать понятіе о моемъ положеніи и о той грусти, которую я чувствовалъ, безъ всякой вины съ моей стороны, за упадокъ моего изданія, которое въ первыя 16 лѣтъ занимало такое почетное мѣсто въ періодической литературѣ. Помочь же этому было по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно; я зналъ навѣрно, что жалобы на цензора, и именно на моего цензора, не повели бы ни къ чему и еще, къ плачевной неспособности его, прибавилось бы личное ко мнѣ неудовольствіе.

Впрочемъ, я не во многомъ могъ позавидовать другимъ, даже и русскимъ изданіямъ. Ценсоровъ, удовлетворявшихъ требованіямъ своего званія, было очень немного: они составляли исключенія. По городу ходили презабавные анекдоты о подвигахъ цензуры 1840-хъ и начала 50 годовъ. Всѣмъ извѣстенъ казусъ съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

Его императорское высочество издавалъ описаніе съ рисунками російскихъ монетъ и медалей; въ числѣ ихъ было изображеніе рубля, выпущеннаго въ такомъ году царствованія Петра I, когда монархъ этотъ титуловался еще царемъ и великимъ княземъ. Цензоръ не преминулъ вычеркнуть этотъ рисунокъ и надписать глубокомысленное замѣчаніе, что Петръ Великій былъ не царь, а императоръ Всероссійскій. Для августѣйшаго издателя, это, конечно, не имѣло послѣдствій: но каково было сочинителямъ и издателямъ *du commun des martyrs*, которые должны были покоряться подобнымъ приговорамъ?

Не менѣе распространенъ былъ и анекдотъ съ какою-то книжною кухонныхъ рецептовъ, изъ которыхъ ценсоромъ исключено было одно кушанье потому, что оно приготовлялось на вольномъ

духѣ, и т. п., и т. п. Такіе случаи по истинѣ превосходили вѣроятіе, имѣли всѣ признаки выдумки.

Начальнику моему и по службѣ, и по officialности моей газеты, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, я не разъ объяснял причины упадка этого изданія и рассказывалъ странности цензора; но я замѣтилъ, что покойный Туреуль какъ-будто подозрѣваетъ меня въ преувеличиваніи. Мнѣ легко было подтвердить мои слова, показавъ ему искалѣченные корректуры, и я хотѣлъ уже вытребовать ихъ изъ типографіи, но это оказалось ненужнымъ. Разъ министръ, возвращаясь изъ дворца отъ доклада, зашелъ въ книжный магазинъ Беллизара (теперь Mellie), гдѣ обыкновенно покупалъ книги; тогда издавался тамъ журналъ «Revue étrangère».

Игнатій Лаврентьевичъ Туреуль засталъ издателя въ страшно-возбужденномъ состояніи. Въ припадкѣ своей *furia francese*, онъ бѣгалъ по бонатамъ и рвалъ себѣ волосы.

— Что съ вами? спросилъ Туреуль.

— А вотъ, посмотрите, г. министръ, — и Беллизаръ подалъ только что полученную обратно корректуру.

Тутъ, въ одной фразѣ Бальзака, слова: «la majesté de la nature» были зачеркнуты и прогнѣвъ ихъ красовалось слѣдующее поучительное замѣчаніе цензора г. П — ра: «Le mot majesté ne se dit que de têtes couronnées» (Величество говорится только о коронованныхъ головахъ).

Туреуль, разсмѣявшись отъ души, напрасно старался успокоить расходившагося француза. Возвратившись домой, онъ намъ, чиновникамъ, рассказалъ бурѣзъ, а затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Извините меня, Пржецлавскій, я не совсѣмъ довѣрялъ вашимъ жалобамъ, теперь же вѣрю всему.

Какъ могло случиться, что отрасль управленія, столь близко, какъ цензура, связанная съ интересомъ общества, оказалась на степени такой аномаліи и долго на ней оставалась? Я затрудняюсь въ прямомъ отвѣтъ на этотъ вопросъ; мнѣ, конечно, извѣстны истинныя причины такой аномаліи, мнѣ извѣстно и то, почему и на какихъ условіяхъ такая жалкая неспособность, какъ мой послѣдній цензоръ, назначена была для газеты, которой онъ даже читать не умѣлъ, но на этотъ разъ я не намѣренъ говорить то

что знаю. Скажу только, что вина такого положенія упала непосредственно не на главную, а на среднюю ценсурную власть. Она въ выборѣ лицъ руководилась произволомъ, и почти всегда личными видами. Все-таки нельзя было не посѣтовать на центральную власть за допущеніе того, что дѣлалось: до нея, хотя и рѣдко, доходили жалобы.

Я упомянулъ уже, что во все время существованія «Еженедѣльника», ни я самъ и никто изъ моихъ ценсоровъ, не подверглись ни разу взысканіямъ. Это такъ, да иначе и быть не могло при отсутствіи всякой вины. Это однако-жъ не помѣшало нѣкоторымъ личнымъ недоброжелателямъ покушаться повредить мнѣ и моему изданію, а вмѣстѣ и выказать свою преданность правительству.

Къ главнымъ начальникамъ III-го отдѣленія собственной Е. II. В. канцеляріи, подъ наблюденіемъ котораго состояла моя газета, поступило на меня разновременно нѣсколько тяжкихъ доносовъ; но эти попытки были крайне неудачны. Каждый разъ призывали меня для объясненій и мнѣ слишкомъ легко было въ нѣсколькихъ словахъ выказать недоразумѣніе, а чаще, еще и грубое невѣжество доносчиковъ, въ родѣ пресловутой кристаллизаціи. Наконецъ, меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Въ послѣдствіи, когда я сдѣлался товарищемъ по главному управленію ценсуры Л. В. Дубельта, то узналъ отъ него, что по многимъ доносамъ, на меня поступавшимъ, даже не тревожили меня, и они рѣшались совершаемымъ въ III-мъ отдѣленіи, по субботамъ, сожженіемъ доносовъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій. Равнымъ образомъ, не знаю почему, вѣроятно по изданію мною газеты, приказано было на почтѣ вскрывать мои письма. Я, кромѣ покойной матери, не переписывался ни съ кѣмъ, но получалъ много писемъ. Многія изъ нихъ, по вскрытіи, были очень нескучно припечатаны; это было слишкомъ замѣтно, а между тѣмъ не мало писемъ было попорчено. Отдѣленіе почтамта, гдѣ это дѣлалось, называлось также ценсурой. Я разъ обратился къ начальнику этого отдѣленія г. У—ву и просилъ его не давать себѣ труда припечатывать вскрытыя письма, а доставлять ихъ ко мнѣ въ особомъ пакетѣ. У—въ хотѣлъ увѣрить меня, что я ошибаюсь, но я легко уличилъ его имѣющимся со мною письмомъ. На немъ почтовый штемпель о полученіи былъ приложенъ такъ

что пришлось на складку конверта; онъ долженъ бы составлять правильный замкнутый кругъ, въ моемъ же случаѣ вышло два полукруга, не сходившіеся съ собою. По такому наглядномъ доказательствѣ, я узналъ, что приказаніе, касающееся моихъ корреспонденцій, было отдано давно, тотчасъ по возникновеніи польскаго мятежа 1830 года, но и до 1846 года не было отмѣнено. Съ тѣхъ поръ, однако-жъ, я сталъ получать письма въ цѣлости.

II.

Въ маѣ 1853 года въ изданіи газеты и въ моемъ служебномъ положеніи произошла слѣдующая перемѣна.

Въ Варшавѣ существовалъ ценсурный комитетъ на все царство для разсмотрѣнія произведеній печати и внутренней, и иностранной. Послѣ 1830-го года онъ состоялъ въ непосредственной зависимости попечителя учебнаго округа, но, по уничтоженіи границы, существовавшей между имперією и царствомъ, комитетъ этотъ, относительно иностранныхъ книгъ, подчиненъ былъ главному управленію ценсуры. Вскорѣ въ этомъ послѣднемъ сдѣлалось ощутительною потребностью имѣть въ своемъ составѣ члена, представляющаго интересы царства и знающаго польскій языкъ, такъ какъ много книгъ на этомъ языкѣ привозилось изъ-за границы и могли поступать жалобы на рѣшенія варшавскаго комитета. По соглашенію объ этомъ министра, статсъ-секретаря Туркула, съ княземъ Варшавскимъ и министромъ народнаго просвѣщенія и по доводу того же покойнаго Туркула, которому предоставленъ былъ выборъ лица, послѣдовалъ, 27-го мая 1853 года, указъ о назначеніи меня членомъ главнаго управленія ценсуры отъ Царства Польскаго, сверхъ настоящей моей должности директора канцеляріи кодификаціонной комисіи царства, съ правомъ голоса по всѣмъ вообще дѣламъ.

По такому назначеніи, официальное званіе издателя и редактора газеты я передалъ одному изъ чиновниковъ статсъ-секретаріата (покойному Ходынскому), оставаясь собственникомъ ея и не преставаая принимать въ ея изданіи, по прежнему, дѣятельное участіе, такъ что всѣ описанныя невзгоды, испытываемыя газетою (прекратившеюся по личнымъ моимъ обстоятельствамъ только съ концемъ 1858 г.), упали на меня. Но, несмотря на мое новое

положеніе, я не могъ сразу сдѣлать ничего, чтобы помочь этому; въ послѣдніе же два года, цензорами «Тигодника» были уже люди способные, и въ эти годы могъ быть возстановленъ прежній характеръ изданія.

Я охотно сознаюсь, что мысль о назначеніи новаго члена къ центральному учрежденію подана была мною и что я самъ старался о назначеніи меня. Покойный Туркулъ, убѣдившись уже въ грустной несостоятельности тогдашней ценсуры, призналъ мысль мою основательною, а меня, по моей опытности, компетентнымъ для обращенія ея на общую пользу.

Я началъ присутствовать въ главномъ управленіи, въ министерствѣ, и подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. О составѣ присутствія существовало тогда правило, чтобы въ немъ находились представители всѣхъ главныхъ вѣдомствъ. Членомъ отъ св. синода былъ К. С. Сербиновичъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ А. Г. Тройницкій, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Ө. А. Бюлеръ; общіе правительственные интересы представлялъ управляющій III-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, генералъ Дубельтъ, а правительства Царства Польскаго—я. Сверхъ того, присутствовали, по особому высочайшему повелѣнію, сенаторъ П. Г. Митусовъ, и, по своему званію, попечитель петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель ценсурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ¹⁾. Членомъ считался также, по званію президента академіи наукъ, графъ Д. Н. Блудовъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія. Военное вѣдомство не имѣло у насъ представителя, но интересы его были вполне обезпечены: въ петербургскомъ ценсурномъ комитетѣ засѣдалъ членъ отъ военнаго министерства, генералъ Л. Л. Штюрмеръ, на предварительное разсмотрѣніе котораго поступало все, что о военномъ вѣдомствѣ и о военномъ дѣлѣ предназначалось къ напечатанію.

Со временемъ составъ главнаго управленія измѣнился какъ выбитіемъ нѣкоторыхъ членовъ и назначеніемъ новыхъ, такъ и

¹⁾ Присутствованіе его казалось мнѣ не только лишнимъ, но и нецѣлесообразнымъ, такъ какъ намъ приносины были жалобы на дѣйствія комитета, и такимъ образомъ предсѣдатель его былъ судьбою въ собственномъ дѣлѣ. Къ довершенію аномаліи, предсѣдатель иностранной ценсуры не принадлежалъ къ нашему составу.

вслѣдствіе принятаго въ исходѣ 1850 годовъ правила, что цензура должна быть однородна, а не раздроблена по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.

Испытавъ на самомъ себѣ весь вредъ дурной цензуры для общества, слѣдовательно и для власти, я сознавалъ за собою и гражданскій, и служебный долгъ—въ новомъ моемъ званіи содѣйствовать по возможности къ улучшенію этой части. Но въ первое время сильное къ тому препятствіе составлялъ присутствовавшій съ нами предсѣдатель ценсурнаго комитета, Мусинъ-Пушкинъ, горячо отстаивавшій ценсоровъ, опредѣленныхъ по его избранію. На тотъ разъ нужно было ограничиться настояніемъ о болѣе строгомъ выборѣ лицъ, вновь назначаемыхъ въ ценсорскія должности. Это продолжалось не долго; по выбитіи Мусина-Пушкина и по замѣщеніи его другимъ предсѣдателемъ комитета, приняты уже были мѣры, дабы поставить петербургскую цензуру на степень, соотвѣтствовавшую раціональнымъ требованіямъ тогдашняго законодательства о печати.

Обыкновенныя занятія въ засѣданіяхъ состояли въ разсмотрѣніи представленій комитетовъ: иностранной цензуры, варшавскаго и провинціальныхъ, о сомнительныхъ случаяхъ и о предполагаемыхъ къ исключенію неодобряемыхъ ими мѣстъ въ иностранныхъ книгахъ, также въ разсмотрѣніи жалобъ частныхъ лицъ на низшія ценсурныя инстанціи, прошеній о новыхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. Кромѣ участія въ этихъ занятіяхъ, я вносилъ въ главное управленіе разныя предположенія, имѣющія цѣлью упрощеніе ценсорской практики и точное, по возможности, опредѣленіе круга дѣйствія ценсоровъ для отвращенія произвола.

Съ половины 1850-хъ годовъ цензура стала ощутительно свободнѣе. Это имѣло благотворное вліяніе на письменность вообще. Но какъ обыкновенно бываетъ послѣ продолжительнаго стѣсненія, это породило на первыхъ порахъ поползновеніе къ нѣкоторому своеволію (?). Симптомомъ его было появленіе почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ такъ называемой обличительной литературы. Ее составляли статьи, въ которыхъ описывались иногда въ смѣшномъ, часто въ оскорбительномъ видѣ разныя, болѣе извѣстныя столичныя и провинціальныя личности, скандальныя съ ними случаи, слабыя и дурныя ихъ стороны, а иногда

возводимы были на нихъ и тяжкія обвиненія, такъ что большая часть этихъ статей подходили подъ опредѣленіе диффамация, клеветы, даже просто доноса. Хотя лица не назывались по имени, но въ ихъ фамиліяхъ дѣлались незначительныя измѣненія, а ихъ общественное и служебное положеніе и вся обстановка были такъ съ натуры скопированы, что въ тождествѣ описываемаго субъекта не могло быть сомнѣнія. А между тѣмъ обиженные не могли жаловаться, какъ потому, что тогда не было еще гласнаго суда, который одинъ можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ публичнаго очищенія отъ позора, такъ и потому, что жаловаться на подобныя нападки, болѣе или менѣе аллегорическія, значило узнавать себя въ пасквильномъ изображеніи.

Такая литература сдѣлалась почти господствующею модою, такъ какъ она въ высшей степени интересовала читающую публику, вѣроятно, вслѣдствіе того недобраго расположенія, которое Ларошфуко замѣтилъ въ человѣческой природѣ. Но были и добрые, и умные люди, одобрявшіе это своеволие; они видѣли въ немъ справедливую кару за смѣшное и предосудительное, находили даже пользу для общественной нравственности, не замѣчая, что подобныя представленія частныхъ случаевъ и лицъ могутъ быть уродливо преувеличены, или даже вполне выдуманы и служить орудіемъ для злобы и личностей, какъ это часто и случалось.

Съ первыхъ же явленій этого жанра я энергично высказался противъ него по двоякому моему служебному званію: какъ членъ цензуры, я не могъ одобрять пасквильнаго характера, проникавшаго въ печать; а какъ чиновникъ юридической части—я находилъ его противнымъ общему духу законодательства, въ особенности нашего. Это послѣднее мнѣніе основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Оглашеніе посредствомъ печати чьего-либо неблаговиднаго, предосудительнаго или даже неразумнаго поступка, или непохвальныхъ подробностей частной жизни,—есть наказаніе, и нерѣдко тяжкое¹⁾.

Изъ этого опредѣленія сами собою вытекаютъ слѣдующія заключенія:

¹⁾ Въ это время, вслѣдствіе обличительной статьи, одинъ молодой человѣкъ лишилъ себя жизни.

Всякое наказаніе можетъ быть налагаемо единственно надлежащимъ судомъ, и не иначе какъ: а) по предварительному удостовѣренію въ дѣйствительности осуждаемаго дѣянія, и б) по потребованію отъ обвиняемаго объясненія и по принятію къ совокупному соображенію всего, что онъ могъ бы привести въ свое оправданіе.

Черезъ возводимыя публично на частныхъ лицъ обвиненія и дѣянія выходящи, нарушались всѣ эти необходимыя условія справедливости. Факты приводились бездоказательно; возраженія на нихъ были невозможны и наказаніе налагалось любымъ аматѣромъ скандала, неподписывавшимся, или принявшимъ вымышленное имя. Въ конечномъ анализѣ это было присвоеніе себѣ частными, безыменными лицами судейской власти, безъ уполномочія на то и безъ всякаго ручательства въ праведности суда.

Поэтому всѣ обличительныя статьи, хотя бы въ нихъ изображались и правдивые факты, должны признаваться пасквилями потому именно, что оглашеніе ихъ составляетъ наказаніе, то есть такое юридическое дѣйствіе, которое не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ лицъ, особенно принявъ въ уваженіе, что законное оглашеніе по суду прамѣнялось къ весьма рѣдкимъ случаямъ.

Такой взглядъ казался мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что, при несуществованіи еще въ то время гласнаго суда, потерпѣвшіе отъ обличительныхъ статей не могли получать удовлетворенія полного, то есть на столько публичнаго, на сколько публично было помраченіе ихъ доброй славы.

Къ тому слѣдуетъ еще замѣтить, что въ обличительныхъ статьяхъ приходился очень значительный процентъ болѣе или менѣе ложныхъ, почти же всѣ остальные отличались непомѣрнымъ преувелченіемъ. Достоверно то, что великое большинство ихъ внушено было не какою-либо благонамѣренностью, а личнымъ озлобленіемъ и мщеніемъ.

Соображенія эти представлены были мною главному управленію цензуры. Я прибавилъ къ нимъ проектъ наставленія ценсoramъ, заключающаго указанія признаковъ, по которымъ различается позволительная сатира отъ неодобряемаго пасквиля. Главный изъ этихъ признаковъ то, что первая имѣетъ предметомъ не лица, общіе типы, свойственные цѣлымъ группамъ, цѣлымъ катего-

ріявъ, а послѣдній— всегда только отдѣльныя личности. Затѣмъ слѣдовало подраздѣленіе этого главнаго признака на второстепенные признаки и подробности, изслѣдованіе которыхъ вело къ положительному опредѣленію: къ какому изъ двухъ жанровъ слѣдуетъ причислить данную юмористическую или сатирическую статью, дабы ни въ какомъ случаѣ нельзя было взять одинъ за другой. Въ этомъ проектѣ наставленія, какъ на примѣръ образцовой сатиры, я указывалъ на «Горе отъ ума», на «Мертвыя души», на «Ревизора» и другія драматическія сочиненія.

Здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе и изъ упомянутого наставленія приведу встать слѣдующее: когда появилось «Горе отъ ума», всѣ сразу отдали ему справедливость, но въ томъ числѣ были многіе, которые въ дѣйствующихъ лицахъ предполагали и даже узнавали изображеніе живыхъ московскихъ личностей и въ вѣрности портретовъ находили главное достоинство этой прекрасной драматической сатиры. Взглядъ совершенно ошибочный. Грибоѣдовъ и не думалъ писать портреты; если бы это было такъ, то значеніе «Горя отъ ума» было бы очень кратко-временно; оно затерялось бы вмѣстѣ со смертію тѣхъ, которые служили оригиналами для очерковъ. Да и въ продолженіе ихъ жизни достоинство сочиненія на много было бы ниже истиннаго. Грибоѣдовъ превосходно схватилъ и изобразилъ не отдѣльныя личности, а типы, жизнь которыхъ очень продолжительна, и также долговѣчна будетъ заслуга и слава его мастерскаго произведенія. Если оно и переживетъ типы, то останется драгоценною страницей въ исторіи общественнаго развитія, точкою сравненія будущаго съ прошедшимъ. Тоже самое примѣняется и къ другимъ, названнымъ образцовымъ сатирамъ, а теперь и къ превосходнымъ, вполне художественнымъ, талантливымъ очеркамъ Щедрина (М. Е. Салтыкова).

Цензура стала серьезнѣе и съ большею разборчивостью относиться къ обличительной литературѣ, да и въ самомъ обществѣ появилась реакція противъ этого злоупотребленія печати, особенно послѣ нѣсколькихъ вопіющихъ примѣровъ недобросовѣстности. И такъ, мода на это нездоровое направленіе держалась не долго и въ какіе-нибудь два года прошла совсѣмъ. Если и теперь являются иногда въ газетахъ статьи, которыя можно бы причислить къ отжившему жанру, то онѣ не имѣютъ пасквиль-

наго характера. а какъ скоро такой появится, то влечетъ за собою расправу въ гласномъ судѣ и наказаніе.

Въ январѣ 1860 года, когда еще ценсура состояла при министерствѣ народнаго просвѣщенія, послѣдовало преобразование состава главнаго управленія, согласно признанной упомянутой выше потребности—единства ценсуры. Нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ остались, поступили новые, а же былъ оставленъ по прежнему, вслѣдствіе ходатайства министра, покойнаго Е. П. Ковалевскаго.

Послѣ такого преобразованія возбужденъ былъ вопросъ и о преобразованіи общаго ценсурнаго устава. Е. П. Ковалевскій, человѣкъ весьма умный и просвѣщенный, самъ сочинялъ почти всѣ новые проекты; они были по возможности примѣняемы въ измѣнившимся взглядамъ вслѣдствіе совершившихся уже въ настоящее царствованіе и предполагаемыхъ благодѣтельныхъ реформъ. Копіи этого проекта были розданы членамъ и каждый отъ себя представилъ по немъ свои замѣчанія: Но графъ Блудовъ, вѣроятно зная о предстоявшемъ коренномъ преобразованіи ценсуры въ настоящее ея состояніе, заявилъ въ засѣданіи главнаго управленія, что онъ никакихъ замѣчаній на проектъ дѣлать не будетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, подробный уставъ о ценсурѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ былъ бы дѣломъ несовременнымъ, и что уставъ можетъ быть замѣненъ немногими пунктами правилъ, заключающихъ общія положенія въ руководству въ практикѣ.

И такъ, проектъ новаго устава не былъ разсматриваемъ въ законодательномъ порядкѣ, а вскорѣ изданы были упомянутыя правила въ нѣсколькихъ пунктахъ, утвержденныя въ 1862 г.¹⁾

Между тѣмъ кодификаціонная коммисія, въ которой я служилъ, вслѣдствіе учрежденія въ Царствѣ Польскомъ мѣстнаго государственнаго совѣта, была упразднена въ іюнѣ 1861 года, и по высочайшей волѣ я былъ оставленъ членомъ главнаго управленія. Въ этомъ званіи я находился въ министерства графа Путятина и А. В. Головинна.

Еще Е. П. Ковалевскій находилъ нецѣлесообразнымъ, что

¹⁾ Въ этихъ правилахъ замѣчался тотъ самый взглядъ на значеніе ценсуры, который я изложилъ и развилъ въ упомянутомъ моемъ представленіи въ главное управленіе.

ценсура состояла при министерствѣ просвѣщенія; онъ раздѣлялъ взглядъ на ценсуру, какъ на полицію, и поэтому думалъ, что она должна принадлежать министерству внутреннихъ дѣлъ, или III-му отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи. Онъ говаривалъ при случаѣ: «въ моемъ положеніи я чувствую въ себѣ какое-то тяжкое раздвоеніе: какъ министръ просвѣщенія, я долженъ способствовать возможнымъ успѣхамъ литературы, умноженію числа повременныхъ изданій, а въ то же время, какъ генераль-ценсоръ, я, по необходимости, принужденъ останавливать это движеніе, нерѣдко запрещая и новыя, и прежнія изданія».

Предвидѣнія Евграфа Петровича сбылись въ министерство А. В. Головнина: въ мартѣ 1862 года высочайшимъ указомъ учреждена новая центральная ценсурная власть, подъ названіемъ «Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія». Высочайшимъ приказомъ 16-го того же марта я былъ назначенъ членомъ этого совѣта; кромѣ меня, оставшагося отъ бывшаго главнаго управленія, всѣ члены были вновь избранные. Въ числѣ ихъ былъ академикъ, нѣкогда ценсоръ, А. В. Никитенко и извѣстный авторъ «Обломова», И. А. Гончаровъ. Предсѣдатель комитета ценсуры иностранной, Ѳ. И. Тютчевъ, считался также нашимъ членомъ, но онъ всего одинъ разъ присутствовалъ; онъ какъ-будто не признавалъ подсудности своего комитета нашей юрисдикціи. Совѣтъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра, бывшаго члена главнаго управленія, А. Г. Тройницкаго.

Кругъ нашихъ занятій по совѣту былъ нѣсколько расширенъ противъ прежняго; кромѣ обязанностей, исполняемыхъ въ главномъ управленіи, между членовъ распределены были повременныя изданія для наблюденія за тѣмъ, что въ нихъ печаталось, и для представленія объ этомъ замѣчаній. На мою долю достались разновременно: «Современникъ» (въ послѣдствіи запрещенный), «Библіотека для чтенія», «День», какой-то медицинскій журналъ и два такъ называемые юмористическіе: издаваемый въ Петербургѣ «Оса» и въ Москвѣ — «Развлеченіе». Сверхъ того, ежедневныя журналы читались чиновниками особыхъ порученій и замѣчанія по нимъ поступали на разсмотрѣніе совѣта. Протоколы его, съ замѣчаніями членовъ и упомянутыхъ чиновниковъ и съ нашими по нимъ заключеніями, представляемы были на утвержденіе министра.

Я имѣлъ довольно дѣла съ моими питомцами: «День», а особенно «Современникъ» требовали (?) неуспѣшнаго наблюденія (?). Въ послѣднемъ, въ мое время, появился надѣлавшій столько шума романъ: «Что дѣлать?» Онъ былъ напечатанъ по странному недоразумѣнію. Первая часть, появившаяся въ одномъ изъ номеровъ «Современника», не заключала ничего предосудительнаго. Между тѣмъ сочинитель, по какому-то политическому дѣлу, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Авторъ обратился къ нему съ просьбою дозволить ему докончить романъ, за который онъ получилъ отъ редакціи деньги впередъ. Князь согласился и рукописи двухъ послѣднихъ частей поступили на разсмотрѣніе къ нему. Такъ какъ онъ, вѣроятно, ценсурованы были только въ политическомъ отношеніи, то статсъ-секретарь, не найдя въ нихъ ничего политическаго, пропустилъ ихъ. Ценсоръ же, разсматривавшій «Современникъ» послѣ пропуска рукописи княземъ Голицынымъ, не смѣлъ уже останавливать печатаніе ея. Такимъ образомъ проскользнуло въ русскую литературу это произведеніе.

«Оса» заключала иногда нехорошія вещи и ценсоръ ея подвергался замѣчаніямъ. По одному, очень безнравственному стихотворенію, напечатанному въ ней, я представилъ совѣту разсужденіе, гдѣ изложены были общіе взгляды на вредность подобныхъ статей, особенно въ формѣ куплетовъ, которые легко остаются въ памяти. Въ «Осѣ» они были тѣмъ болѣе предосудительны, что къ ней прилагались музыкальныя ноты, и поэтому журналъ находился въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ, а стихи къ нимъ именно и относились. При разсмотрѣніи журнала совѣта съ этимъ разсужденіемъ, министръ призналъ его имѣющимъ общую примѣнимость и приказалъ копіи съ него сообщить циркулярно ценсурнымъ комитетамъ для руководства.

Что касается «Развлеченія», то журналъ этотъ, при маломъ литературномъ достоинствѣ, на которое онъ, впрочемъ, и притязанія не имѣлъ, оказывалъ иногда правительству услугу. Въ немъ встрѣчались статьи, которыя хотя и можно было назвать обличительными, но онѣ имѣли признаки правдивости и благонамѣренности. Въ нихъ описывались продѣлки и даже притоны московскихъ мошенниковъ, возмутительные примѣры таеъ называемаго

«самодурства», злоупотребленія и бездѣйствіе власти въ низшихъ слояхъ администраціи, и все это безъ прямого отношенія къ личностямъ. Такія указанія, находящіяся въ «Развлеченіи», были отъ нашего совѣта сообщаемы департаменту полиціи, и, по надлежащемъ дознаніи, нѣсколько разъ послужили къ обнаруженію и пресѣченію зла.

Совѣтъ нашъ былъ учрежденіе временное; въ продолженіе его занятій вырабатывались, по инициативѣ министра П. А. Валуева, проекты того положенія, которое теперь существуетъ. Это переходное состояніе понималось и болѣе или менѣе отражалось на нашихъ дѣйствіяхъ. Взглядъ на произведенія печати незамѣтно смятчался и нѣкоторымъ изданіямъ сходили съ рукъ такія прегрѣшенія, которыя въ другое время подвергли бы ихъ строгому взысканію, и здѣсь «будущее бросало свою тѣнь впередъ собою».

Въ 1863 году я былъ въ Карлсбадѣ, гдѣ тогда пользовалась водами великая княгиня Елена Павловна. Въ бесѣдахъ, которыхъ удостоивала меня по предметамъ, относящимся до моего званія, говоря о готовящейся реформѣ цензуры, ея императорское высочество энергично высказывалась въ пользу ея либеральнаго направленія. Разумѣется, что такое мнѣніе, заявленное знаменитою принцессою, особою высокаго ума, и, какъ было извѣстно, слѣдившею за государственнымъ движеніемъ, было принято мною какъ *avis au lecteur*, «къ свѣдѣнію и къ надлежащему, въ потребномъ случаѣ, исполненію».

По случаю отъѣзда, въ концѣ іюня 1864 года, товарища министра за границу, на время его отсутствія поручено мнѣ было министромъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Это продолжалось до половины декабря того же 1864-го года.

Между тѣмъ преобразование цензуры совершилось, и высочайшимъ указомъ сенату, 31-го августа 1865 года, «по случаю упраздненія временнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденія по дѣламъ книгопечатанія», я былъ уволенъ отъ должности члена этого учрежденія.

III.

Мое положеніе въ главномъ управленіи, какъ католика и какъ чиновника царства, было нѣсколько исключительно; но и то, и другое послужило къ разъясненію встрѣчаемыхъ нерѣдко вопросовъ, которые безъ того остались бы въ настоящемъ ихъ значеніи темными. Приведу здѣсь нѣсколько анекдотическихъ тому примѣровъ.

Когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана, то возникъ въ комитетѣ цензуры иностранной вопросъ: можетъ-ли она быть пропущена? Въ главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили моего мнѣнія, и я отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра въ російской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его пошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать въ чемъ заключается новый догматъ. Я объяснилъ, что по сущности его, въ зачатіи Богородицы не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физиологическаго процесса, но въ виду назначенія пресвятой дѣвы быть матерью Сына Божія, церковь вѣруетъ, что для нея сдѣлано было исключеніе и снята та скверна первороднаго грѣха, съ которою родятся всѣ люди. До послѣдняго собора позволялось не раздѣлять этого вѣрованія, хотя оно было личнымъ убѣжденіемъ всѣхъ папъ, и поэтому Пій IX пожелалъ рѣшить единожды и этотъ сомнительный пунктъ; теперь же, когда вопросъ о непорочности рѣшенъ соборомъ утвердительно, то прежнее вѣрованіе обращено въ канонически обязательное. Члены благодарили меня за ясное опредѣленіе предмета и прибавили, что до того имѣли о немъ темное и даже ошибочное понятіе. Я же, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ поучиться, вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія.

— Какъ такъ? спросили они, крайне удивленные.

Тутъ я объяснилъ, что такое было первоначальное названіе ордена Бѣлаго Орла, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до послѣдней капли крови. Никто изъ нашихъ кавалеровъ Бѣлаго Орла не зналъ о такомъ происхожденіи ордена; современемъ онъ и перемѣнилъ форму, и утратилъ первоначальное значеніе.

Въ одномъ магазинѣ, въ Москвѣ, продавались парижскія картинки съ изображеніемъ разныхъ святыхъ и съ французскими надписями ихъ именъ. Одна изъ нихъ показалаcя мѣстному духовному начальству несоотвѣтствующею религіознымъ преданіямъ и оно ходатайствовало о запрещеніи ея къ продажѣ. Картинка, присланная въ главное управленіе, была слѣдующая: изображенъ красивый молодой человѣкъ, нѣжно обнимающій ребенка лѣтъ 7—8; внизу надпись: «Saint Joseph Patriarche». Принявъ это за изображеніе св. Іосифа—супруга пресв. Дѣвы, а ребенка за Христа—отрока, просители осуждали рисунокъ за то, что, вопреки церковной традиціи, святой представленъ молодымъ, «съ французской бородкой», и что вокругъ его головы и головы отрока нѣтъ сіянія. На вопросъ предсѣдателя о моемъ мнѣніи, я отвѣчалъ, что жалоба есть слѣдствіе простой ошибки и анахронизма. Тутъ очевидно, какъ это и въ надписи значится, изображены не св. Іосифъ—супругъ, и не Христосъ, а св. Іосифъ, ветхозавѣтный патріархъ, ласкающій младшаго изъ своихъ братьевъ, Веніамина. Въ изображеніяхъ святыхъ ветхаго завѣта, какъ извѣстно, сіянія не бываетъ, на основаніи, что въ ихъ время «истинный свѣтъ» (Lux vera) не нисходилъ еще на землю¹⁾. Представленіе патріарха молодымъ и красивымъ согласно съ преданіемъ, присвоившимъ ему даже названіе «прекраснаго», а справедливость этого прилагательнаго доказывается эпизодомъ съ женою Пентефрія (Putiphar). По такомъ разъясненіи недоразумѣнія, картина была разрѣшена къ продажѣ.

Въ главное управленіе прислано было изъ таможи нѣсколько фуларовыхъ носовыхъ платковъ съ портретами (очень похожими):

¹⁾ Еванг. отъ Іоанна, гл. I, стр. 9.

императора австрійскаго, короля прусскаго, королевы англійской и папы Пія IX. Министръ Норовъ полагалъ запретить продажу этихъ платковъ, находя, по легко оцѣняемой причинѣ, крайне неумѣстнымъ ихъ назначеніе; что же касается портрета папы, то онъ спросилъ моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, что, не касаясь даже католическаго вопроса, предметъ этотъ разрѣшенъ уже имъ самимъ, министромъ, изъ справедливаго уваженія къ изображеніямъ лицъ монарховъ, такъ какъ и папа (пользовавшійся тогда еще свѣтскою властью) также монархъ. Всѣ эти платки были запрещены.

Какая-то дама (фамиліи не помню) вошла въ главное управленіе съ прошеніемъ о разрѣшеніи ей издавать модный журналъ, съ картинками и выкройками. Подписная цѣна назначалась очень умѣренная. Въ программѣ общался и текстъ для легкаго чтенія, притомъ же было въ ней сказано, что подписчикамъ предназначается нѣсколько премій, состоящихъ изъ дамскихъ платьевъ и другихъ уборовъ. Нумера подписныхъ билетовъ, по истеченіи каждой половины года подвергнутые тиражу, и преміи будутъ доставлены тѣмъ, чьи билеты выйдутъ. Просительница вручила министру письмо отъ одной высоко-поставленной особы, ходатайствовавшей о скорѣйшемъ разрѣшеніи изданія.

Предсѣдатель и члены высказывались уже въ томъ же смыслѣ, но я, въ общему удивленію, запротестовалъ. Я это сдѣлалъ по слѣдующимъ уваженіямъ. Предположеніе просительницы, по которому предоставлялись преміи вслѣдствіе тиража, есть ничто иное, какъ розыгрышъ ея журнала въ лотерею; а подписные билеты — ничто иное, какъ лотерейные билеты, которые многіе будутъ брать не столько для самаго изданія, сколько въ надеждѣ выигрыша, цѣнность котораго на много превосходитъ подписную плату. Если мы разрѣшимъ это одному изданію, то не будетъ основанія къ отказу въ томъ же и всѣмъ другимъ, а тогда большіе журналы, какъ академическая газета, «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», имѣющіе и безъ того тысячи подписчиковъ, станутъ назначать въ преміи цѣлыя дома въ столицахъ или большія суммы денегъ и, по извѣстному пристрастію общества къ азартной игрѣ, приобрѣтутъ уже не тысячи и не десятки, а сотни тысячъ подписчиковъ; лотерея, подъ предлогомъ под-

писки на журналы, распространятся въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ частныя лотереи запрещены и допускаются нашимъ законодательствомъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія высшей власти. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ существуетъ правительственная, такъ называемая «классная» лотерея, составляющая одну изъ статей казеннаго дохода, которому всякія частныя того же рода операціи не могутъ не принести ущерба. Я прибавилъ, что въ случаѣ разрѣшенія большинствомъ голосовъ моднаго журнала на просимомъ издательницей основаніи, я буду принужденъ, въ интересъ казны царства и общаго закона, подать особое мнѣніе и объ этомъ случаѣ донести по начальству. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній кончилось тѣмъ, что модный журналъ былъ разрѣшенъ съ исключеніемъ выигрышныхъ премій. Проектъ г-жи *** былъ хорошо придуманъ, съ расчетомъ на порядочный доходъ; тайна-нашихъ о немъ преній не была сохранена и въ издательницѣ и ея покровителяхъ я нашелъ себѣ сильныхъ враговъ. Это часто неразлучно съ исполненіемъ долга.

Приведенные примѣры показываютъ, что имѣть въ составѣ центральной цензуры члена, свѣдущаго въ католицизмѣ и въ польскихъ дѣлахъ, было въ извѣстныхъ случаяхъ небезполезно, чтобы не сказать — необходимо.

Для всѣхъ историческихъ рассказовъ существуетъ правило: «suum cuique»; поэтому, безъ ложной скромности, я исчислю здѣсь нѣсколько общихъ мѣръ, которыя, кромѣ упомянутыхъ выше, приняты были по моей инициативѣ и дѣйствуютъ въ настоящее время:

Отмѣненъ ценсорскій пропускъ на листахъ съ литографированными линейками для чистописанія (транспарантахъ). На нихъ, вѣроятно потому, что былъ заголовокъ въ нѣсколько словъ и нумеръ, внизу, подъ линіями, красовались: «Печатать дозволяется», годъ, мѣсяцъ, число и подпись ценсора. Я случайно узналъ, что одинъ господинъ, отъѣзжая за границу, накупилъ въ гостиномъ дворѣ множество таенхъ транспарантовъ съ тѣмъ, чтобы показывать ихъ въ Европѣ, какъ образчики бдительности нашей цензуры.

Отмѣнена подпись ценсора на пропускахъ. Я докладывалъ, что въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ есть цензура, пропускъ печатается безъ подписи, по тому уваженію, что и современникамъ, и потомству нѣтъ никакой надобности знать, кто именно цен-

суроваль напечатанное, а извѣстность фамиліи можетъ въ томъ или въ другомъ направленіи вліять на дѣйствія цензора. Онъ не можетъ не оглядываться болѣе или менѣе на общественное мнѣніе, тогда какъ оно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ прямою обязанностью ценсорскаго званія. Но какъ при этой отмінѣ, вмѣсто подписи, принята была формула: «одобрено ценсурою», то въ послѣдствіи, по переходѣ уже ценсурь въ министерству внутреннихъ дѣлъ, по моему же представленію о несвойственности выраженія «одобрено», принята и до сихъ поръ осталась, болѣе соотвѣтствующая дѣйствию наблюдательной власти, формула: «Дозволено ценсурою».

Въ извѣстіяхъ полицейскихъ газетъ о кражахъ всегда назывались лица, въ нихъ подозрѣваемые. По уваженію, что, по формальному слѣдствію, подозрѣнія эти могли не подтвердиться, между тѣмъ какъ названные лица оставались опозоренными, было предписано: въ извѣстіяхъ этого рода не именовать никого, а въ дополненіе первоначальныхъ свѣдѣній публиковать окончательные результаты слѣдствія и суда.

Для полноты настоящаго очерка я чувствую обязанность упомянуть въ немъ о нѣкотораго рода контръ-ценсурѣ, которая была учреждена въ исходѣ 1840-хъ годовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго генераль-адъютанта Анненкова; но вмѣстѣ съ этимъ я долженъ признаться въ невозможности сказать о ней что-нибудь положительное. Это было учрежденіе не гласное, а хотя было вообще извѣстно, что оно наблюдаетъ за печатью и повѣряетъ дѣйствія ценсуры, но лично до меня, какъ издателя журнала, послѣдствія ея дѣятельности не доходили ни разу, а о подробностяхъ ихъ я не старался узнавать. Помню только, что цензора моей газеты страшно боялись этой контръ-ценсуры и излишнюю свою осторожность оправдывали этимъ опасеніемъ. Вирочемъ, этотъ комитетъ не долго существовалъ и отъ дѣятельности его не осталось воспоминанія о чемъ-нибудь замѣчательномъ. Онъ составляетъ, быть можетъ, лучшую похвалу учреждений такого рода.

О. А. Пржецлавскій.



ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

V¹).

Игнатій Туркулъ, министръ Царства Польскаго.

1797 — 1857.

Кто прожилъ болѣе трехъ четвертей вѣка, тотъ не безъ тяжелаго чувства видитъ, какъ кругъ спутниковъ его все болѣе и болѣе становится тѣсенъ, и какъ, по мѣрѣ этого, въ памяти его увеличивается группа тѣней тѣхъ, которые уступили свое мѣсто вновь явившимся. Тогда оставшійся на землѣ отъ исчезнувшихъ поколѣній невольно съ грустью замѣчаетъ, что тѣни эти болѣе ему близки, чѣмъ лица, составляющія обстановку послѣднихъ шаговъ его странствованія: онъ уже чужой въ этой средѣ. Новыя поколѣнія перестаютъ понимать его, тогда какъ онъ слишкомъ хорошо ихъ понимаетъ и сквозь ихъ молодость ясно видитъ будущее. Нельзя поэтому удивляться, что такой человѣкъ живетъ болѣе въ прошедшемъ, что оно имѣетъ для него болѣе жизненнаго колорита, чѣмъ настоящее...

Я хочу силою моихъ воспоминаній вызвать къ посмертной жизни нѣкоторыя замѣчательнѣйшія изъ тѣней современниковъ, меня опередившихъ. Это будутъ не біографіи и даже не полные портреты, но очерки фizioномій съ такими подробностями, однако же, которыя немногимъ извѣстны, а для біографій лицъ и современной исторіи могутъ имѣть значеніе. Въ этихъ очеркахъ я не слѣдую никакой системѣ, даже ни хронологическому порядку: для того, что́ я имѣю сказать, ни то, ни другое не существенно. Я буду говорить о лицахъ, какъ

¹) См. «Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго» въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 451 и 665; изд. 1875 г. т. XIII, стр. 383; т. XIV, стр. 131.

они представляются въ моей памяти и въ изображеніи главной личности постараюсь воспроизвести ту обстановку, въ которой она мнѣ помнится; для этого нерѣдко потребуется упомянуть о тѣхъ второстепенныхъ тѣняхъ, которыя, приходя въ соприкосновеніе съ главною, составляли эту обстановку и способствовали къ полнѣйшей ея характеристикѣ.

Было время, что народныя пословицы считались премудростью. Нашъ аналитическій вѣкъ добрался и до этой премудрости, и она во многихъ своихъ приговорахъ оказалась очень немудрою. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей Франціи сказалъ: „que d'énormes sottises dans les proverbes, fruits de la sagesse des nations!“¹⁾; одинъ изъ остроумныхъ русскихъ писателей говоритъ: „Если придерживаться азіатской пословицы, что „не должно выносить сору изъ избы“, то не худо подумать: „какова будетъ изба, когда эта драгоценность сохранится въ ней вся на лицо“.

Такою же явною нелѣпостью отличается старая поговорка: „de mortuis aut bene, aut nihil“ (о покойникахъ говори или одно доброе, или не говори ничего). Трудно уяснить себѣ, какъ сложилась эта поговорка и какъ вошла въ обращеніе. Къ счастью, она не строго исполнялась древними, а то исторія была бы немыслима. Если бы Тацитъ и другіе римскіе историки придерживались такого правила, потомство ничего бы не знало о Тиберіѣ, Клавдіѣ, Неронѣ, Калигулѣ, Агриппинѣ, Юліи, Мессалинѣ. Такъ какъ о нихъ нельзя было сказать ничего bene, то оставалось бы одно nihil, т. е. глубочайшее молчаніе.

По всему вѣроятію, основаніемъ пословицы служила мысль, что умершіе не могутъ защищаться. Но въ исторіи защита, или оправданіе дѣяній, дѣло второстепенное. Прежде всего нужны положительные факты, а о нихъ всякій пусть судитъ по-своему. Нельзя же потомству не знать, что Неронъ поджегъ Римъ, убилъ свою мать, что Калигула пожаловалъ своего коня въ первые государственные сановники, что папа Александръ VI былъ чудовищемъ, что Людовикъ XI былъ кровожадный ханжа, что Генрихъ VIII отсѣкалъ головы своимъ женамъ, чтобы жениться на другихъ. Все это потеряно было бы для потомства, если бы историки слушались пословицы.

Въ очеркахъ моихъ я не намѣренъ стѣсняться никакими посторонними уваженіями, а буду говорить все, что знаю, въ убѣжденіи, что въ писаніяхъ этого рода надъ всѣми уваженіями преобладаетъ

¹⁾ Сколько огромныхъ глупостей въ пословицахъ, этихъ плодахъ народной мудрости.

одно: интересы исторической правды. Такъ поступая, и отъ моихъ тѣней я не боюсь упрека. Только здѣсь, на землѣ, святая истина принуждена прятаться по пещерамъ и колодезямъ; но въ царствѣ тѣней она является во всемъ своемъ блескѣ и онѣ первыя ей поклоняются.

I.

Умершій въ 1857 году, въ Варшавѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, статсъ-секретарь И. Л. Туркулъ принадлежалъ къ роду, котораго польское дворянство было не древнѣе времени короля Іоанна III (Собѣскаго), т. е. второй половины XVII-го вѣка. Этотъ родъ происходилъ изъ древняго молдаванскаго дворянства и члены его, предки Игнатія Туркула, съ давнихъ временъ занимали въ Молдавіи высокія общественныя служебныя положенія. Одинъ изъ нихъ былъ въ христіанскихъ войскахъ, защищавшихъ, подъ главнымъ начальствомъ Іоанна Собѣскаго, Вѣну противъ осаждавшей ее турецкой арміи. Этотъ Туркулъ отличился передъ глазами короля и тутъ же причисленъ имъ былъ къ польскому дворянству. Въѣстъ съ этимъ король пожаловалъ ему древній гербъ Остоя (стоячій мечъ, между двумя полулуніями, обращенными къ нему выпуклою стороною). Для отличія отъ другихъ фамилій, пользующихся тѣмъ же гербомъ, у Туркуловъ изъ шлема поднимается рука, вооруженная мечомъ, на которомъ навита турецкая чалма. Быть можетъ, что и самая фамилія съ переходомъ предка изъ молдаванскаго въ польское дворянство взята была отъ совершенныхъ имъ надъ турками подвиговъ.

Туркулы водворились въ Галиціи, хотя нѣкоторые члены ихъ приобрѣли помѣстья и на Волыни. Отецъ министра, Лаврентій, былъ любимымъ пажемъ Станислава-Августа, однако не послѣдовалъ за этимъ королемъ, послѣ его отреченія, въ Петербургъ. Игнатій родился уже австрійскимъ подданнымъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Львовскомъ лицей, а затѣмъ окончилъ курсъ наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ; несмотря на то, фамилія Туркуловъ всегда принадлежала къ высшему обществу Варшавы.

По образованіи Царства Польскаго, Игнатій Туркулъ, въ маѣ 1818 года, поступилъ тамъ на службу въ правительственную коммисію (министерство) финансовъ и казначейства вице-рефендаріемъ; въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры бывшаго польскаго двора. Но онъ недолго оставался на службѣ въ Варшавѣ.

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, то есть собственная канцелярія императора, какъ царя польскаго, съ министромъ, статсъ-секретаремъ графомъ Соболевскимъ. Всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ Царства и сношенія этой канцелярії съ имперскими властями писались по-французски. Молодой Туркулъ въ совершенствѣ владѣлъ этимъ языкомъ. Извѣстный при томъ Соболевскому по своимъ способностямъ и образованію, по ходатайству этого министра, онъ въ 1822 году назначенъ былъ главнымъ директоромъ канцелярії статсъ-секретаріата. Это былъ первый шагъ блестящей карьеры. Вслѣдъ за этимъ быстро сыпались на Туркула царскія милости: чинъ статскаго совѣтника (1824), камергерскій ключъ (1826) и ордена. Чрезъ шесть лѣтъ по вступленіи въ службу, грудь 24-хъ-лѣтняго молодаго человѣка украсилась уже звѣздой Станислава 2-й степени.

Графъ Соболевскій недолго оставался въ Петербургѣ; въ началѣ 1820-хъ годовъ на мѣсто его поступилъ министромъ генераль графъ Грабовскій. Въ 1832 году Туркулъ былъ назначенъ его товарищемъ, а въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ коммисіи для ревизіи и составленія законовъ Царства, подъ главнымъ начальствомъ управлявшаго законодательными работами графа Сперанскаго. По выходѣ Грабовскаго въ отставку, Туркулъ нѣсколько времени управлялъ статсъ-секретаріатомъ въ качествѣ товарища министра и, наконецъ, въ 1839 году, назначенъ министромъ, статсъ-секретаремъ и членомъ государственнаго совѣта, а въ 1841 году членомъ комитета министровъ. При этомъ онъ былъ оставленъ и предсѣдателемъ упомянутой коммисіи.

Министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго имѣлъ у государя личный докладъ еженедѣльно, по вторникамъ. До окончательнаго полученія портфеля, при частыхъ отлучкахъ Грабовскаго, заступавшій его Туркулъ имѣлъ много случаевъ докладывать дѣла императору Николаю, и своимъ умомъ, даромъ слова и находчивостью поправлялся монарху.

Извѣстно, что у покойнаго императора не было никого, кому современное общественное мнѣніе могло бы присвоить названіе царскаго любимца. Но въ числѣ приближенныхъ были такіе, къ которымъ онъ чувствовалъ личную симпатію человѣка. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ Туркулъ. Императоръ относился къ нему очень благосклонно и даже интимно, но встрѣчи его съ государемъ ограничивались исполненіемъ требованій службы, обязательнымъ присутствіемъ на торжествахъ и посѣщеніемъ придворныхъ баловъ и вечеровъ по приглашеніямъ.

Послѣ обыкновеннаго дѣловаго доклада, государь часто удерживалъ Туркула въ своемъ кабинетѣ для бесѣды. Тогда ободренный

милостивою и какъ бы вызывающею фамиллярностію монарха, министрѣ дѣлался откровеннымъ и даже смѣлымъ въ своихъ объясненіяхъ. Такъ, государь не разъ упрекалъ его въ нелюдимости, слегка бранилъ за то, что онъ не показывается въ свѣтѣ, имѣя всѣ условія для успѣха въ салонахъ. Туркулъ давалъ уклончивые отвѣты, отговариваясь нездоровьемъ или занятіями по службѣ, особенно по званію предсѣдателя законодательной коммисіи: не бывъ по призванію юристомъ, онъ-де долженъ много работать, многому учиться, чтобы устоять на уровнѣ этого положенія; но государь не вполне удовлетворялся этими отговорками. Разъ, послѣ великолѣпнаго бала у графа Воронцова-Дашкова, Николай Павловичъ полу-милостиво, полу-серьезно выговаривалъ Туркулу, что онъ не былъ на этомъ балѣ, гдѣ была вся царская фамилія. Государь прибавилъ, что спрашивалъ о немъ хозяина и графъ отвѣчалъ, что Туркулъ былъ приглашенъ, причемъ пожаловался, что всѣ подобныя приглашенія остаются безуспѣшными. Такъ поставленный въ необходимость объясниться, Туркулъ прибѣгнулъ къ странной уловкѣ. Онъ сказалъ: „ваше величество требуетъ положительнаго отвѣта, поэтому я принужденъ признаться въ одной слабости... я имѣю непреодолимую антипатію къ женщинамъ маленькаго роста. Къ несчастію, почти всѣ дамы высшаго общества имѣютъ этотъ недостатокъ. Такова хозяйка вчерашняго бала, такова мадамъ Г...о, графиня Х...чъ, таковы почти всѣ супруги пословъ“. Конечно, при другихъ условіяхъ такой отвѣтъ могъ бы показаться не совсѣмъ умѣстнымъ, но государь принялъ его милостиво, засмѣялся и сказалъ: „Mon cher, quel original vous êtes!“

Въ молодости, то есть въ первыя 10—15 лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ, Туркулъ танцевалъ прекрасно, особенно мазурку. Танецъ этотъ, который всѣ пляшутъ кое-какъ, есть самый трудный для кавалера. Хотя его устраиваютъ въ нѣсколько паръ, но онъ есть по преимуществу одинъ изъ тѣхъ танцевъ, которые называютъ *danses de caractère* или *danses parlantes*, каковы русская пляска, испанская качуча, хаола, итальянская тарантелла, болеро. Для роли мужчины характеръ мазурки состоитъ въ изображеніи ритмической мимикою мужественной удали, увлеченіе которой умѣряется чувствомъ почтительно-нѣжнаго, рыцарскаго уваженія къ своей дамѣ. Не легко въ надлежащей мѣрѣ соединить эти условія такъ, чтобы ничего не утратить. Съ этимъ послѣднимъ недостаткомъ мы видимъ большинство танцующихъ мазурку на балахъ и даже въ театрѣ, учениками Кшесинскаго. Туркулъ танцевалъ мазурку такъ, что своей манерой осуществлялъ всю поэтичность этого танца.

Въ то время, когда при дворѣ часто давались балы и царская

фамилія принимала участіе въ танцахъ, Туркулъ былъ непремѣннымъ кавалеромъ для мазурки императрицы Александры Теодоровны.

Благоволеніе императора Николая для лицъ, которыя удостоивались онаго, выражалось нерѣдко заботливостію объ устройствѣ ихъ браковъ. Туркула государь не разъ уговаривалъ жениться, не зная, что супружества онъ боялся болѣе всего на свѣтѣ. Онъ ни за что не отказался бы отъ своей холостой свободы. При томъ Туркулъ страдалъ одною органическою болѣзнію, которую долго предъ всѣми скрывалъ и отъ которой умеръ. Это была атрофія одного важнаго внутренняго органа. Она не лишала его никакихъ физическихъ способностей и не вліяла на наружность; по свѣжести лица и вообще по своей бодрости, онъ казался самымъ здоровымъ человѣкомъ. Но болѣзнь эта требовала особеннаго ухода: каждое утро онъ долженъ былъ много разъ обливаться около часу теплою водою. По временамъ болѣзнь доходила до кризиса, схватывала внезапно и тогда съ Туркуломъ дѣлалась сильная лихорадка и бредъ. Одинъ такой кризисъ случился съ нимъ за обѣдомъ у императора, на пароходѣ, въ одной морской экскурсіи. Его надо было уложить въ постель, доктора не было и государь самъ ухаживалъ за больнымъ съ отеческою заботливостію, не зная, въ чемъ состояла болѣзнь и считая ее простою лихорадкою. Припадокъ разрѣшался самымъ обыкновеннымъ исходомъ, послѣ чего больной тотчасъ же поправлялся.

Въ другой подобной экскурсіи государь былъ уже на пароходѣ, а Туркула еще не было. Императоръ не вѣлѣлъ отчаливать; минутъ чрезъ пять министръ пріѣхалъ. Когда взошелъ на палубу, государь взялъ его за оба плеча, говоря: „Ah, vous voilà, monstre!“ Туркулъ хотѣлъ что-то сказать въ свое извиненіе, но государь перебилъ его словами: „с'est bon, с'est bon“, а потомъ, примѣняя къ случаю историческую фразу Людовика XIV, съ усмѣшкою прибавилъ: „J'ai failli attendre“.

Разъ Туркулъ серьезно напугался. Онъ съ своимъ вторичнымъ докладомъ ѣхалъ въ Царское Село; я былъ съ нимъ. Подъѣзжая къ вокзалу желѣзной дороги, слышимъ свистокъ и прежде чѣмъ мы успѣли выйти изъ кареты, поѣздъ ушелъ. Министръ хотѣлъ уже было взять экстренный поѣздъ, или нанимать лошадей,—но вотъ счастье: войдя въ воксалъ, видимъ фельдтегера; онъ вручаетъ министру депешу, что государь сегодня не принимаетъ, а назначаетъ докладъ на завтрашній день.

Мы вздохнули свободно, такъ неожиданно облегченные. Туркулъ сказалъ: „Pas de jeu aujourd'hui; j'ai eu trop de chance“.

Государь, возвращаясь къ разговору о женитьбѣ, сказалъ разъ, что

выбралъ для него невѣсту и самъ будетъ его сватать. Это была одна изъ прекрасныхъ дочерей оберъ-церемоніймейстера графа Браницкаго. Туркулъ, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Въ католическихъ монашескихъ орденахъ уставами допускается обычай: нѣкоторыхъ почетныхъ свѣтскихъ лицъ, къ знакъ уваженія, причислять къ ордену въ качествѣ свѣтскаго брата, подъ названіемъ терцірія (tertiarius). Преимущество терцірія состоитъ въ томъ, что общія молитвы о благоденствіи ордена распространяются и на него, что онъ имѣетъ право быть похороненъ въ рясахъ послушника (новіція) и по смерти поминается въ молитвахъ объ усопшихъ членахъ ордена. На это званіе генераломъ ордена выдается дипломъ и такой документъ былъ поднесенъ Туркулу отъ варшавскаго монастыря ордена проповѣдниковъ (Доминикановъ). Впрочемъ, такой знакъ уваженія, оказанный свѣтскому, не обязываетъ его ни къ чему, кромѣ благоволенія къ ордену и къ извѣстнымъ ежедневнымъ молитвамъ. Но Туркулъ въ крайности прибѣгнулъ къ нему и сказалъ: „Ваше величество, я принадлежу къ монашествующему ордену (тутъ онъ показалъ свой дипломъ), а хотя званіе доминиканскаго терцірія и не обязываетъ меня къ безбрачію, но я, принявъ его, далъ себѣ обѣтъ никогда не жениться“. Государь понялъ уловку, но, видя непоколебимость Туркула, не возвращался уже къ разговору о бракѣ. Графиня Браницкая, которую государь предназначалъ Туркулу, вышла въ послѣдствіи за римскаго князя Одескальки.

Часто бесѣда съ императоромъ принимала характеръ религіознаго диспута. Туркулъ былъ довольно силенъ въ католическомъ богословіи, объяснялъ и смѣло отстаивалъ его догматы и эта своего рода храбрость, повидимому, нравилась державному диспутанту, быть можетъ, какъ новость для того, кто никогда не встрѣчалъ противорѣчій. Въ числѣ другихъ предметовъ такихъ словопреній, часто возобновлялась рѣчь объ іезуитахъ. Государь не любилъ ихъ и повторялъ общія обвиненія этого ордена въ политическомъ и частномъ интриганствѣ. Туркулъ защищалъ іезуитовъ, утверждая, что то, что пазываютъ духомъ интриги, есть ничто иное, какъ дѣятельное усердіе ордена къ интересамъ религіи и повсемѣстнаго законнаго порядка. Теперь, когда уже не можетъ быть рѣчи о средневѣковыхъ заблужденіяхъ (?) и злоупотребленіяхъ, іезуиты остались честными (?), ревностными консерваторами.

Въ своей защитѣ Туркулъ приводилъ тотъ симитомъ, что всюду въ Европѣ, гдѣ готовилась революція, всегда предшествовали ей усиленныя нападки на іезуитовъ и удаленіе ихъ изъ страны. Это сдѣлалось очевиднымъ въ смутахъ 1848 года. По этому случаю Тур-

куль указаль на слѣдующій фактъ. Въ австрійской революціи упомянутого года участвовала почти вся молодежь, всѣ школы опустѣли, всѣ студенты и воспитанники, за весьма немногими исключеніями, стали въ ряды мятежниковъ,—только изъ одного іезуитскаго училища въ Галиціи ни одинъ воспитанникъ не послѣдовалъ этому увлеченію, несмотря на то, что никакія принудительныя мѣры не стѣсняли ихъ свободы. Туркуль разсказываль мнѣ, что этотъ примѣръ обратилъ вниманіе государя.

Наконецъ, такъ какъ подобный разговоръ возобновлялся и государь всегда объ іезуитахъ отзывался непріязненно, то Туркуль осмѣлился разъ сказать:

— „Видно, что ваше величество читали много писаннаго противъ іезуитовъ, но я позволю себѣ спросить: читали-ли вы что-нибудь въ ихъ защиту?“ Оказалось противное. Тогда министръ попросилъ позволеніе представить одно изъ сочиненій въ этомъ послѣднемъ родѣ и, получивъ такое позволеніе, поднесъ книгу О. Равиньяна (Ravignau) „Defense des Jesuites“. Съ тѣхъ поръ рѣчи объ іезуитахъ уже не было, но Туркуль остался въ неизвѣстности, какое дѣйствіе произвела книга и даже читаль-ли ее государь.

Послѣ 1830-го года государь велѣлъ по дѣламъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго французскій языкъ оставить только для сношеній съ иностранными послами, польскій только для сношенія съ правительственными комиссіями и другими властями Царства, для всеподданнѣйшихъ же докладовъ, для сношеній съ намѣстникомъ и для всего прочаго дѣлопроизводства—употреблять русскій языкъ. Къ счастью, въ распоряженіи Туркула и въ статсъ-секретаріатѣ, и въ предсѣдательствуемой имъ законодательной комисіи были подготовленные уже къ тому чиновники; что же касается самого министра, то онъ, хотя и не могъ писать по-русски, но вполнѣ понималъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ первый докладъ его послѣ означеннаго повелѣнія былъ написанъ по-русски и государь изъявилъ министру удовольствіе за хорошую редакцію.

Хотя прямое значеніе званія министра—статсъ-секретаря состояло въ томъ, что онъ служилъ какъ бы проводникомъ между монаршей волей и исполнителями ея на мѣстѣ, между представленіями намѣстника и высочайшими по нимъ рѣшеніями, но Туркуль не ограничивался этой пассивной ролью. Онъ часто бралъ на себя починъ по предметамъ, которые, по его мнѣнію, требовали улучшенія или преобразованія, и проекты его вообще одобрялись намѣстникомъ и государемъ и приводились въ исполненіе.

II.

Послѣ событій 1830 года положено было правиломъ, чтобы вновь назначаемые въ Царствѣ католическіе епископы посвящаемы были въ Петербургѣ. Для этого къ живущему тамъ архіепископу могилевскому, митрополиту всѣхъ католическихъ въ Россіи церквей, изъ шести составляющихъ его провинцію епархій, вызывались два епископа, такъ какъ для совершенія обряда требуется одинъ святитель (consecrator) и два ассистента (assistentes). Однажды назначенъ былъ къ посвященію въ епископы одной изъ епархій Царства прелатъ графъ Лубенскій¹⁾. Митрополитомъ тогда былъ Казиміръ Дмоховскій, въ ассистенты вызваны два епископа. При обрядѣ присутствовали по должности министръ статсъ-секретарь Царства и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, покойный В. В. Скрыпицынъ. Туркулъ, по приглашенію посвящаемого, участвовалъ даже въ обрядѣ, для котораго, кромѣ духовенства, требуются три свѣтскихъ лица.

По предписаннымъ на эти случаи правиламъ, кандидатъ въ епископы, въ одинъ изъ моментовъ обряда, долженъ былъ произнести присягу на вѣрность государю на русскомъ языкѣ. Какъ графъ Лубенскій не зналъ по-русски ни слова, то для него форма присяги, которую онъ долженъ былъ прочитать во всеуслышаніе, написана была польскими буквами. Передъ выходомъ въ церковь, въ сакристіи (ризницѣ) было объ этомъ разсужденіе между митрополитомъ, будущимъ епископомъ, и Туркуломъ. Извѣстно, какое значеніе въ произношеніи русскихъ словъ имѣетъ просодія: неправильное удареніе на какомъ-нибудь слогѣ, нарушая фонетическія требованія языка, производитъ страшную какофонію, дѣлая рѣчь почти непопятною. Это представляло непредусмотрѣнное препятствіе; Лубенскій призналъ для себя невозможнымъ читать вслухъ, боясь, среди священнаго обряда насмѣшить многочисленную собравшуюся въ церкви публику; онъ представлялъ, что какъ въ самомъ ритуалѣ (требникѣ) посвященія заключается присяга вѣрности царствующему государю на латинскомъ языкѣ, то условіе это будетъ выполнено самимъ же обрядомъ. Если же, сверхъ того, признана будетъ необходимая особая присяга, то такую, по возвращеніи въ Варшаву, Лубенскій произнесетъ по-польски предъ комиссіею внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, въ присутствіи

¹⁾ Дядя августовскаго епископа, посвященнаго въ 1860-хъ годахъ и высланнаго въ послѣдствіи административнымъ порядкомъ во внутреннюю Россію и умершаго въ дорогѣ, графа Константина Лубенскаго.

тамошняго архіепископа. Митрополитъ убѣдился этими доводами и Туркулъ не протестовалъ. Посвященіе было совершено безъ упомянутой формальности, отложенной до возвращенія епископа въ Царство.

По случаю послѣдовавшей около этого времени, въ 1844 году, кончины великой княгини Александры Николаевны, государь, въ глубокомъ горѣ, уединясь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, не принималъ никакихъ личныхъ докладовъ, и Туркулъ, въ теченіе болѣе мѣсяца, не видалъ государя. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Скрипицынъ, ненавидѣвшій инстинктивно, неизвѣстно почему, Туркула, дабы поколебать довѣріе къ нему государя. По внушенію своего директора департамента, министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ описанный фактъ при посвященіи Лубенскаго представленъ былъ государю въ самомъ невыгодномъ и даже предосудительномъ свѣтѣ и для Лубенскаго, и для митрополита, а въ особенности для Туркула. Надо прибавить, что государь и безъ того былъ расположенъ не въ пользу Лубенскаго. Онъ, бывши еще прелатомъ, пріѣзжалъ послѣ перваго польскаго мятежа въ Петербургъ, въ числѣ членовъ депутаціи, которая, имѣя въ главѣ своей архіепископа Хороманскаго, приносила государю повинную отъ всѣхъ сословій Царства. Депутація оставалась около недѣли въ столицѣ и государь, бывши разъ во французскомъ театрѣ, съ негодованіемъ замѣтилъ тамъ въ креслахъ Лубенскаго. Его величество сказалъ объ этомъ при первомъ случаѣ Туркулу, и несмотря на краснорѣчіе послѣдняго, представлявшаго разныя „уменьшающія вину обстоятельства“, у государя осталось дурное впечатлѣніе и только вслѣдствіе горячаго ходатайства намѣстника, сильно поддержаннаго Туркуломъ, императоръ согласился на возведеніе Лубенскаго въ санъ епископа.

Неполное донесеніе министерства внутреннихъ дѣлъ произвело свое дѣйствіе, на минуту помрачившее горизонтъ отношеній государя къ своему министру статсъ-секретарю.

Между тѣмъ Лубенскій изъ Варшавы прислалъ Туркулу открытое письмо въ Римъ къ другу своему, одному изъ кардиналовъ, съ извѣстіемъ о возведеніи своемъ въ епископы и съ тѣмъ, чтобы у государя исходатайствовано было позволеніе отправить это письмо по назначенію. Туркулъ, все еще неѣздившій съ докладомъ, представилъ подлинное письмо императору при своей запискѣ. Письмо возвращено было съ разрѣшеніемъ послать его въ Римъ, на запискѣ же министра государь надписалъ въ сущности слѣдующее: „Лубенскій, при посвященіи его, отказался дать мнѣ присягу на вѣрность. Вызвать его немедленно въ Петербургъ и потребовать исполненія этого въ церкви; къ присягѣ

привести его имѣть митрополить, въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ и вашемъ“.

О такомъ повелѣніи Туркулъ тотчасъ же по эстафетѣ сообщилъ намѣстнику. Приближенные къ министру выразили мнѣніе, что ему слѣдовало бы объясниться передъ государемъ, такъ какъ очевидно, что о фактахъ доведено было до высочайшаго свѣдѣнія неточно и не вполне справедливо. Но онъ этого не сдѣлалъ, сказавъ намъ: „*Avant tout il faut faire, ce que l'Empereur ordonne*“¹⁾. Замѣтно было, что объясненіе своего поведенія въ этомъ случаѣ онъ откладывалъ до личнаго доклада.

Въ Варшавѣ, гдѣ уже Лубенскій далъ предъ комиссіею духовныхъ дѣлъ присягу, царское повелѣніе произвело грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ немъ проглядывало какое-то недоразумѣніе и что повелѣніе застало Лубенскаго больнымъ. У него сдѣлась опухоль на щекѣ съ нарывомъ и лихорадкою; для поѣздки въ Петербургъ требовалось не менѣе шести сутокъ, погода стояла дурная, Лубенскій не имѣлъ въ Варшавѣ своего экипажа. Князь Паскевичъ оказалъ ему полное сочувствіе, далъ свою карету, но попросилъ, несмотря на болѣзнь, отправиться тотчасъ. Болѣзнь въ дорогѣ усилилась и епископъ, прибывъ въ Петербургъ, слегъ въ постель и не ранѣе какъ двѣ черезъ 10 оправился такъ, что могъ исполнить монаршую волю. Въ церкви св. Екатерины, въ часовнѣ Богородицы, въ присутствіи Туркула и Скрыпицына, Лубенскій подписалъ поданный ему митрополитомъ присяжный листъ. Послѣ этого онъ тутъ же попросилъ Туркула исходатайствовать ему у государя аудіенцію, дабы онъ могъ лично объясниться и испросить себѣ прощеніе, если будетъ признанъ виновнымъ. Въ ожиданіи этого онъ останется въ столицѣ.

Государь сталъ уже принимать министровъ. При первомъ же докладѣ Туркулъ разсказалъ все какъ было, показалъ въ ритуальную форму присяги на вѣрность государю, которая была произнесена при посвященіи, и объяснилъ, почему Лубенскій признавалъ не совмѣстнымъ съ святостью обряда чтеніе вслухъ при многочисленномъ собраніи народа того, чего не понималъ и не умѣлъ произносить. Государь вполне убѣдился объясненіемъ и, вѣроятно, не остался доволенъ тѣмъ, что случилось вслѣдствіе неточности первоначальнаго донесенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ пріема на аудіенціи, которую государь далъ епископу и на которой находился Туркулъ. Ложкій, съ утонченными придворными манерами, Лубенскій велъ

¹⁾ Прежде всего надо сдѣлать, что повелѣваетъ государь.

себя на этой аудіенціи съ такимъ тактомъ, что государь, казалось, оставилъ прежнія предубѣжденія и обласкалъ его.

Такъ разсѣялось всякое недоразумѣніе, на послѣдствія котораго много рассчитывали недоброжелатели.

Но Туркулъ положилъ себѣ не отмстить виновному всей этой неудавшейся интриги (онъ не былъ мстителемъ), а проучить его порядкомъ и дать понять разъ навсегда, что борьба съ нимъ была бы крайне неравна. Не встрѣчаясь съ Скрипицынымъ по службѣ, Туркулъ долженъ былъ для этого выжидать удобнаго случая. Этотъ случай вскорѣ представился.

Вскорѣ послѣ рассказанныхъ событій, митрополитъ Казиміръ умеръ и санъ его наслѣдовалъ суфраганъ покойнаго, Пгнатій Головинскій. Духовный этотъ, еще молодой (ему не было 40 лѣтъ), былъ извѣстный писатель и проповѣдникъ. Строгій пастырь на своемъ архіепископскомъ креслѣ, онъ былъ веселый, умный собесѣдникъ въ интимномъ кружкѣ, который самъ собою составилъ около него. Къ нему преимущественно принадлежали извѣстные литераторы, старый другъ митрополита графъ Ржевускій, генералъ Штюмеръ, министръ Туркулъ, извѣстный другъ Мицкевича Малевскій и я. Въ издаваемой мною въ то время польской политико-литературной газетѣ помещалось не мало прекрасныхъ статей высокопреосвященнаго, подписанныхъ и его именемъ и псевдонимомъ: „Жегота Кострѣвецъ“ (названіе герба). Онъ и по возведеніи въ санъ митрополита остался ректоромъ римско-католической духовной академіи и продолжалъ жить въ зданіи этой академіи, въ 1-й линіи Васильевскаго острова. Въ большіе праздники онъ совершалъ торжественную литургію или говорилъ проповѣдь въ приходской церкви св. Екатерины, по воскресеньямъ же служилъ обѣдню въ своей академической капеллѣ, на которую мы всѣ съѣзжались. Послѣ обѣдни былъ у митрополита завтракъ, замѣняющій обѣдъ, къ которому мы были разъ навсегда приглашены. Бесѣда и литературныя чтенія продолжались до вечера; на этихъ завтракахъ бывалъ иногда и В. В. Скрипицынъ.

Въ одно изъ такихъ воскресеній, когда въ числѣ гостей былъ и Валерій Валеріевичъ, Туркулъ пожелалъ дать ему маленькій урокъ. Не помню, кто изъ насъ спросилъ о Лубенскомъ, который, не совсѣмъ еще выздоровѣвшій, выѣхалъ изъ Петербурга. Туркулъ, отвѣтивъ, что епископъ совершенно здоровъ и находится уже въ своей епархіи, воспользовался этимъ и сказалъ слѣдующее:

— „Всѣ вы, господа, знаете, что графъ Лубенскій, по своемъ посвященіи и отъѣздѣ, былъ возвращенъ сюда по высочайшему повелѣнію для принесенія присяги на вѣрность государю императору, отъ чего

при самомъ совершеніи обряда онъ будто бы отказался. Какъ исполненіе этой монаршей-воли было поручено мнѣ, то я считаю нужнымъ разсказать и исходъ этого распоряженія. Въ немъ ясно видѣлось недоразумѣніе“.

Тутъ Скрипицынъ прервалъ говорившаго и сказалъ: „Не знаю, въ чемъ ваше высокопр—ство видите недоразумѣніе? до свѣдѣнія государя былъ доведенъ совершившійся фактъ“.

Туркулъ отвѣчалъ: „я позволю себѣ замѣтить, что одно, такъ сказать, голое изложеніе факта не составляетъ полного о немъ свѣдѣнія. Оно тогда только бываетъ полно и можетъ служить основаніемъ къ сужденію о самомъ фактѣ, когда тотъ изображенъ со всѣми побудительными къ нему причинами и со всею обстановкой. Государь не сообщалъ мнѣ полученнаго о Лубенскомъ донесенія, но, по всей вѣроятности, въ этомъ донесеніи не было упомянуто объ исполненіи посвящаемымъ присяги на вѣрность царствующему государю, находящейся въ самомъ ритуалѣ обряда, а главное, не было объяснено причины, вполне уважительной, по которой графъ Лубенскій не рѣшился произнести слова присяги на чуждомъ ему языкѣ, которыхъ онъ не понималъ и не могъ выговорить правильно. Это опасеніе весьма понятно и дѣлаетъ честь графу. Онъ разсудилъ, что въ такихъ обстоятельствахъ съ одной стороны форма, читанная имъ неправильно, была бы какой-то каррикатурой присяги, а съ другой, что при непониманіи словъ, они могли бы считаться для произносившаго ихъ необязательными. Тутъ уже была заинтересована совѣсть, и вотъ почему, уступая требованіямъ ея и изъ уваженія къ святости присяги, Лубенскій, съ моего разрѣшенія и съ согласія митрополита, не исполнилъ тогда же формальности, а обязался произнести присягу по той же формѣ на польскомъ языкѣ, предъ надлежащею властью Царства. Я употребилъ слово недоразумѣніе въ убѣжденіи, что если бы приведенныя мною обстоятельства и уваженія были изложены въ донесеніи о совершившемся фактѣ, какъ ваше пр-во изволили выразиться, то взглядъ его величества на этотъ фактъ былъ бы совсѣмъ иной. Я въ правѣ такъ думать, судя потому, какъ государь изволилъ принять мои устные объясненія, а также по милостивому пріему, какого удостоился представленный мною въ Царскомъ Селѣ графъ Лубенскій. У всякаго, конечно, свое пониманіе, свой образъ дѣйствія. Но, что до меня, я никогда не осмѣливаюсь докладывать государю о какомъ бы то ни было предметѣ иначе, какъ со всѣми относящимися къ предмету мнѣ извѣстными данными. Я считаю это непремѣннымъ долгомъ вѣрной службы“.

Тутъ онъ, не посмотрѣвъ даже на Скрипицына, всталъ и, про-

хаживаясь по комнатамъ, началъ съ хозяиномъ разговаривать о другомъ предметѣ.

Описанная сцена, происходившая на французскомъ языкѣ, была настоящею экзекуціею. Надо было знать Скрипицына, какъ мы его знали, чтобы понять, какой это былъ для него ударъ. Онъ былъ олицетворенное самолюбіе, воображалъ себя умнѣйшимъ и тончайшимъ изъ людей.

Въ настоящемъ случаѣ онъ понялъ, однако, что всякое возраженіе невозможно, и благоразумно, не сказавъ ни слова, простился и ушелъ. Но намъ, свидѣтелямъ экзекуціи, всегда скромный Игнатій Лаврентьевичъ явился въ новомъ свѣтѣ; мы въ первый разъ увидѣли его такимъ, какимъ онъ былъ, когда съ привычною вѣжливостью, но съ полнымъ достоинствомъ и сознаніемъ своей силы, далъ почувствовать противнику некрасивость его поступка и свое превосходство.

Всѣ мы понимали, что все, сказанное Туркуломъ, относилось не къ министру внутреннихъ дѣлъ, а прямо и исключительно къ Скрипицыну, такъ какъ онъ одинъ находился при посвященіи Лубенскаго. Графъ Перовскій, въ донесеніи государю, по необходимости основался на томъ, что рассказалъ ему директоръ департамента. Вообще кредитъ Скрипицына много пострадалъ; министръ не могъ не сознать, что въ этомъ случаѣ подчиненный оказалъ ему медвѣжью услугу. Что касается до Туркула, то онъ, давъ такой урокъ, на долго застраховалъ себя отъ подобныхъ покушеній.

III.

Одною, мало кѣмъ замѣченною, чертою характера Туркула было его пристрастіе къ военному дѣлу. Кому это было извѣстно, тотъ могъ подумать, что онъ сожалѣетъ о томъ, что не послѣдовалъ своему призванію, избравъ для себя поприщемъ гражданскую службу. Во время всякой европейской войны онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями воюющихъ армій и очень любилъ толковать съ военными о кампаніяхъ, съ рѣдкимъ апломбомъ заявляя свое сужденіе, и оно часто признавалось основательнымъ, хотя и оригинальнымъ. Онъ имѣлъ также одну еще слабость, ему очень хотѣлось военного мундира. Онъ завидовалъ министру финансовъ, что тотъ могъ носить полувоенную форму, какъ начальникъ горнаго управленія, а болѣе всего графу Перовскому, когда тотъ, въ крымскую компанію, надѣлъ красивый мундиръ начальника стрѣлковъ Императорской фамиліи. Мысль о мундирѣ преслѣдовала Туркула какъ кошмаръ, но онъ совѣстился высказывать ее. Разъ однако-жъ онъ сказалъ мнѣ:

— „Государь любитъ видѣть около себя военныхъ, я же участвовалъ въ турецкой кампаніи и имѣю медаль за эту войну. (Онъ гордился этою медалью больше чѣмъ другими знаками отличія). Что, въ самомъ дѣлѣ, если бы государь пожаловалъ мнѣ военный мундиръ по чину?“ (Онъ былъ тогда еще тайнымъ совѣтникомъ).

Я отвѣчалъ: „конечно, вы были бы прекраснымъ генераломъ“.

Этимъ какъ бы ободренный, Туркулъ спросилъ: „Что ты думаешь, Preslavius (онъ такъ меня называлъ въ интимной бесѣдѣ), могу-ли я просить объ этомъ государя и какъ это будетъ принято?“

Вопросъ былъ деликатенъ; я отвѣчалъ, что его никто лучше не можетъ рѣшить, какъ онъ самъ, такъ давно знающій государя. Туркулъ понялъ уклончивость отвѣта и разговоръ уже не возобновлялся, хотя мысль объ этомъ не покидала его.

Онъ продолжалъ интересоваться всѣмъ, что относилось до военной части и разъ удивилъ государя своими свѣдѣніями и необыкновенною памятью. Не помню, въ которомъ году, но уже при военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, вышло какое-то новое распредѣленіе войскъ съ новою нумераціей дивизій, бригадъ и полковъ. Туркулъ прочиталъ это положеніе и, какъ видно, крѣпко запомнилъ. Какъ-то однажды онъ сошелся въ царскомъ кабинетѣ вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ. Императоръ, говоря о какомъ-то полку, хотѣлъ, но не могъ припомнить его нумеръ; обратился за этимъ къ военному министру, но и тотъ не могъ положительно отвѣчать. Тогда Туркулъ осмѣлился вмѣшаться въ разговоръ и назвалъ съ точностью нумеръ дивизіи, бригады и полка.

Когда начиналась крымская кампанія и, по объявленіи союзными державами войны, въ Восторѣ собирались ихъ флоты, Туркулъ представилъ государю отъ себя записку, въ которой изложилъ свое мнѣніе, что непріатели не имѣютъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ, что блокада балтійскихъ и финляндскихъ портовъ—одна демонстрація, неимѣющая опредѣленнаго значенія, а вся цѣль кампаніи состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить Черноморскій флотъ, воспрепятствовать его восстановленію и разрушить Севастопольскій портъ и этимъ обезопасить столицу Турціи отъ внезапнаго завладѣнія ею русскими силами. Въ этой запискѣ Туркулъ предусматривалъ высадку непріятельскихъ войскъ на берѣга Крыма и полагалъ, что всѣ военныя дѣйствія, оставя всякую заботу о балтійскихъ и финскихъ берегахъ, которымъ не угрожаетъ серьезное нападеніе, должны быть употреблены для защиты береговъ Чернаго моря, въ особенности Крыма, для воспрепятствованія высадкѣ, или въ случаѣ, если она совершится, для опрокинутія непріателя въ море. Въ самомъ началѣ войны министръ читалъ мнѣ

эту записку и требовалъ тайны. На мой вопросъ: какъ она была принята, Туркулъ отвѣчалъ, что государь благодарилъ его.

IV.

При назначеніи Туркула предсѣвателемъ кодификаціонной комисіи Царства, онъ сказалъ государю, что часть эта была для него новая и что ему нужно будетъ изучать ее. Николай Павловичъ милостиво заявилъ увѣренность, что онъ въ этомъ скоро успѣетъ, что, впрочемъ, отъ предсѣдателя требуется не столько научныхъ знаній, сколько общаго руководства для направленія законодательныхъ работъ къ той системѣ, которая, по опыту послѣднихъ событій (1830 года), признана необходимою для преобразованія мѣстныхъ законоположеній. Слова государя вполнѣ подтвердились. Вызванные изъ Варшавы члены комисіи, специалисты, которымъ поручена была редакція новыхъ уложеній, Губе, Заборовскій и Цихарскій, на первыхъ же порахъ признали, что предсѣдатель былъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ.

Туркулъ имѣлъ правиломъ ладить по возможности со всѣми, и въ этомъ вполнѣ успѣвалъ. Во всю его службу въ Петербургѣ единственная распря, встрѣтившаяся на этомъ поприщѣ, былъ описанный уже эпизодъ столкновенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но и это разрѣшилось негласно и графъ Перовскій съ Туркуломъ остались по прежнему друзьями. Вообще съ своими товарищами, министрами и членами государственнаго совѣта, Туркулъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, ведя своеобразную жизнь, въ домахъ у нихъ не бывалъ. Особенно онъ былъ сближенъ съ финляндскимъ министромъ, статсъ-секретаремъ графомъ Армфельдомъ, и съ министромъ юстиціи, графомъ Панинымъ. Послѣдній очень былъ опечаленъ смертью Туркула, считалъ ее чувствительною потерю и по этому случаю дѣлалъ слѣдующее сравненіе:

— „Въ послѣднее время въ государственномъ совѣтѣ были членами три поляка: князь Друцкой-Любецкій, Тенгоборскій и Туркулъ. Всѣ трое были люди замѣчательно умные и благонамѣренные и мнѣнія ихъ имѣли не малый вѣсъ въ совѣщаніяхъ. Но вліяніе каждаго изъ нихъ проявлялось въ различныхъ видахъ. Любецкій вообще не заботился о формахъ, свои сужденія высказывалъ прямо и даже рѣзко, безъ всякихъ смягчающихъ оговорокъ, поддерживалъ же ихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и строгою логикой; онъ проводилъ ихъ съ боя. Тенгоборскій, особенно по вопросамъ, касающимся его специальностей (политической экономіи и международнаго права), могъ считаться авторитетомъ; но ему мѣшало слабое знаніе русскаго языка,

онъ часто прибѣгалъ къ помощи французскаго и нѣмецкаго, мнѣнія же свои защищалъ съ необикновеннымъ оживленіемъ и настойчивостью. Оба эти члена обладали даромъ слова, были замѣчательные полемисты и, такъ сказать, навязывали свои взгляды силой. Съ Любецкимъ и Тенгоборскимъ Туркулъ составлялъ контрастъ: главнѣйше сила его состояла въ формахъ, въ мягкости. Онъ почти никогда не спорилъ, но такъ искусно умѣлъ прививать вліятельнымъ членамъ свои взгляды, что они дѣлались ихъ взглядами“; чистосердечно сознавался графъ Панинъ: „дѣлая въ сущности то, чего хотѣлъ Туркулъ, я былъ убѣжденъ, что слѣдую собственнымъ своимъ побужденіямъ“.

Эти слова характеризуютъ какъ нельзя лучше описываемую нами личность.

Дружба Панина съ Туркуломъ не осталась безплодною для пользы дѣла; она произвела улучшеніе въ одной отрасли отправленія правосудія. Обстоятельство это, требующее вступительнаго развитія, дабы не прерывать послѣдовательности этого очерка, я излагаю въ особомъ примѣчаніи.

V.

Туркулъ, несмотря на то, что пробылъ въ Петербургѣ долгое время (1821—1857), никогда не могъ исполнѣ акклиматизироваться въ этой столицѣ. Онъ казался всегда, какъ будто бы въ дорогѣ, не на постоянномъ, а на временномъ мѣстѣ пребыванія.

Хотя онъ этого не говорилъ и даже старался скрывать, но это высказывалось въ его привычкахъ и образѣ жизни. Куда же онъ мысленно стремился, гдѣ была цѣль его желаній? Это была Варшава, современная славянская Капуа. Повидимому, первые годы молодости, проведенные въ этомъ городѣ, пустили глубокіе корни въ сердцѣ того, кто сталъ государственнымъ дѣятелемъ; Варшава была для него второю родиной. Онъ ясно сознавалъ ея недостатки, часто посмѣивался или вздыхалъ надъ ними, а все-таки любилъ ее, какъ родину. Въ Варшавѣ онъ чувствовалъ себя въ своей атмосферѣ, на своемъ мѣстѣ, жилъ полною жизнью. Въ поѣздкахъ государей въ бывшую столицу Польши Туркулъ всегда сонутствовалъ съ отдѣленіемъ своей канцеляріи. Но, по отѣздѣ ихъ величествъ, всегда находилась, какъ нарочно, какая нибудь служебная надобность, для которой министръ статсъ-секретарь, по соглашенію съ намѣстникомъ, оставался еще въ Варшавѣ на два-три мѣсяца; разъ онъ пробылъ тамъ цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ. Но что же привлекало его туда? во всякомъ случаѣ не тамошнее высшее общество; онъ совсѣмъ въ немъ не бывалъ. Ему нравилась самая мѣстность, самый городъ съ его окрестностями,

съ его населеніемъ въ массѣ, испещренной гаменами и гризетками. этими характеристическими типами Парижа, которые ¹⁾ Варшава воспроизводитъ съ удивительною вѣрностію; они оживляютъ картину уличной жизни и даютъ ей тотъ колоритъ, по которому Варшава прозвана маленькимъ Парижемъ. Туркулъ любилъ наблюдать нравы этого населенія, въ одно и то же время разгульнаго и набожнаго, его занималъ образъ жизни этого люда, народныя увеселенія, воскресные баллики, во множествѣ разбѣянные по городу, гдѣ съ такимъ увлеченіемъ веселятся варшавяне и варшавянки самыхъ скромныхъ общественныхъ положеній. гдѣ подъ звуки нестройной жидовской скрипки, вопіющей за пять грошей (2½ копѣйки) съ cadaго танца, кружатся въ шоттишѣ или обертасѣ первые танцоры такихъ собраній, стражаки (солдаты пожарной команды), въ парахъ съ хорошенькими швеями, кавярками и служанками втораго и третьяго разряда. Вообще танецъ необходимая стихія жизни низшихъ классовъ варшавскаго населенія; нанимающіеся въ услуженіе молодой лакей и молодая дѣвушка непременно выговариваютъ себѣ, что въ одинъ изъ двухъ воскресныхъ вечеровъ они могутъ отлучаться изъ дома на балъ. Не этому-ли распространенію хореографическаго искусства слѣдуетъ приписать ту замѣчательную грацію движеній и походки, которыми отличаются молодая парижанки и варшавянки?

Къ такимъ увеселеніямъ Туркулъ присматривался, съ улицы или съ площади, въ открытыя двери и окна, но зрѣлище это такъ занимало его, что онъ съ своими приближенными простаивалъ иногда до поздней ночи. Всѣ его знали и слово: „министръ“, пронесшееся въ собраніи какъ электрическая искра, не только не стѣсняло никого, а, напротивъ, придавало танцамъ болѣе оживленія.

Кромѣ танцевальныхъ вечеровъ, на которыхъ не было другихъ напитковъ, кромѣ легкаго пива, а для дамъ фруктоваго питья, въ самомъ городѣ Варшавѣ и за заставами много небольшихъ садовъ (огрудки), гдѣ рѣдко танцуютъ, но играетъ музыка для публики, прохаживающейся среди роскошной растительности, и гдѣ для ужина подаются спаржа, дыплята и крупные раки. Тамъ, какъ и въ болѣе части ресторановъ, кофейняхъ и баваріяхъ (пивныхъ съ закусками), вся прислуга—женская. Для нея стараются подбирать хорошенькихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и вообще женская прислуга за гра-

¹⁾ Типы гамена и гризетки извѣстны только въ Парижѣ, Варшавѣ и другихъ польскихъ городахъ. Вездѣ встрѣтите мальчишекъ-шалуновъ, кокетливыхъ швей и служанокъ, но это далеко не *gamin* (*ulicznik*, *łobuz*) и не *grisette* (*modniarka*, *szwaczka*, *kawiarka*, *panna młodsza*).

ничей, обезпечены отъ всякой излишней фамиллярности со стороны посѣтителей; такое обращеніе не принято въ Варшавѣ и считалось бы дурнымъ тономъ. Гости говорятъ имъ не иначе какъ панна (барышня) и позволяютъ себѣ съ ними только приличныя шутки, на которыя какая-нибудь Юлька или Зюзя отвѣчаютъ бойко и остро. Нѣкоторые сдѣлали наполеоновскія карьеры, выйдя замужъ за значительныхъ чиновниковъ, двѣ извѣстныя — за генераловъ.

Туркулъ былъ знакомъ со всѣми этими паннами, онѣ обожали его за привѣтливость и подарки, которые онѣ имъ дѣлалъ, какъ казалось, безкорыстно. Онѣ составляли любимое его общество. Онъ обыкновенно оканчивалъ вечеръ въ одномъ изъ огрудковъ, преимущественно въ томъ, который на Прагѣ, надъ самой Вислой. Тамъ, въ особой комнатѣ или въ павильонѣ, собирались около него панны, одна поочередно дежурила для прислуги другимъ посѣтителямъ. Тутъ министр угощалъ ихъ легкимъ пуншемъ или сладкимъ виномъ и, подъ вліяніемъ этихъ напитковъ, дѣвушки щебетали безъ умолку до поздней ночи. Это было для него самое занимательное развлеченіе и въ такихъ бесѣдахъ онъ узнавалъ всѣ новости дня; панны нарочно для него собирали ихъ со всего города; онъ лучше самаго оберъ-полицеймейстера зналъ все, что въ городѣ дѣлается.

По воскресеньямъ, лѣтомъ ¹⁾, Туркулъ постоянно посѣщалъ Сакскую Кемпу (Саксонскій островъ на Вислѣ), въ царствованіе Августа II заселенную выходцами изъ его родной страны. Это островъ неплодородный, наводняемый ежегодно Вислой; колонисты однако-жъ жили здѣсь безбѣдно различными промыслами. Въ томъ числѣ была продажа напитковъ и танцевальныя вечеринки для самыхъ низшихъ классовъ народа, по праздникамъ, почти у каждаго колониста. Туркулъ обходилъ всѣ, съ каждымъ хозяиномъ или хозяйкою разговаривалъ интимно у входа, потомъ, слѣдуя вокругъ чрезъ мостъ, заключалъ свое 4—5-ти верстное странствованіе отдыхомъ въ своемъ любимомъ огрудкѣ на Прагѣ.

Вся Варшава, зная о такихъ привычкахъ, смѣялась надъ Туркуломъ и осуждала его; но у него всегда была на мысли польза и онъ извлекалъ ее изъ всего, гдѣ могъ предполагать. Для этого онъ неутомимо изучалъ всесторонне во всѣхъ отношеніяхъ страпу, которая была такъ близка ему. Высшаго общества онъ не изучалъ, зная, что всѣ такія общества повсюду одни и тѣ же и въ нихъ ничего новаго не узнаешь. Не то было въ низшихъ слояхъ; тамъ, подъ видомъ легкаго, почти школьническаго поведенія, онъ находилъ, чего искалъ, и

¹⁾ Въ это время года Туркулъ обыкновенно бывалъ въ Варшавѣ. О. П.

узнавалъ, что ему было нужно. Въ его характерѣ была черта, рѣдкая у человѣка въ такомъ положеніи; это была живая симпатія къ простому народу, нѣчто сердечное, болѣе чѣмъ гуманное. Въ Петербургѣ чувство это не имѣло для себя простора, чтобы развернуться, ему мѣшало плохое знаніе русскаго языка. Все таки Туркуль, если не могъ разговаривать съ крестьянами, то любилъ смотрѣть на нихъ. Въ Варшавѣ онъ находилъ обширное поле для удовлетворенія своему вкусу. Онъ его не выказывалъ явно и о немъ не говорилъ, но и въ городѣ, и въ окрестностяхъ, встрѣтивъ крестьянина или деревенскую бабу, не могъ удержаться, чтобы не остановить ихъ и не распросить обо всемъ, до нихъ касающемся.

Я упомянулъ, что служба и приемы начинались въ Варшавѣ съ ранняго утра. Мы, чиновники, и просители собирались къ девяти часамъ, такъ какъ около этого времени министръ выходилъ изъ своихъ покоевъ въ приемную залу. Но были дни, что приходилось ждать выхода до 11-ти часовъ и болѣе. Наконецъ мы замѣтили, что это бывало всегда по пятницамъ, но никто не догадывался причины.

Разъ по моей части случилось спѣшное дѣло; бумага должна была быть отправлена съ фельдъегеремъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ, къ находившемуся тамъ князю Паскевичу. Это было пятница; я приготовилъ бумагу наканунѣ и на другой день пришелъ къ 9-ти часамъ, чтобы подать ее министру къ подписанію. Фельдъегерь долженъ былъ заѣхать въ половинѣ 11. Министръ еще не выходилъ. Продавъ съ четверть часа и боясь опоздать, я вошелъ къ нему: Туркула не было дома. У камердинера, нѣкогда его дядьки, Рогульскаго я спросилъ: гдѣ министръ? Старый воркунъ сначала отозвался незнаніемъ, когда же я объяснилъ дѣло, то сердито, но по секрету, сказалъ: „ступайте за Желѣзную Брамъ (главный рынокъ), тамъ увидите, чѣмъ мы забавляемся“. Я отправился туда.

По пятницамъ окрестные хлѣбопашцы съѣзжаются съ своими продуктами рано, дабы евреи имѣли время закупить у нихъ что нужно, предъ своимъ шабашомъ. На площади рынка, у Желѣзной Брамъ, Туркуль съ трудомъ пробирался сквозь толпу, ходилъ отъ воза къ возу и разговаривалъ съ крестьянами.

Туркуль изучилъ до малѣйшихъ подробностей бытъ и нужды крестьянъ съ ихъ отношеніями къ помѣщикамъ и своимъ вліяніемъ способствовалъ къ значительному улучшенію этого быта, къ отмѣнѣ многихъ обременительныхъ повинностей, отбываемыхъ поселянами сверхъ обязательныхъ работъ и платежей, извѣстныхъ подъ названіемъ *dağm-szczyn*.

VI.

Туркулъ, красивый мужчина, вполне джентльменъ, соединявшій всё условія для успѣха въ обществѣ, былъ естественно выгоднымъ женихомъ для невѣстъ и кавалеромъ для свѣтскихъ дамъ. Быть дамою сердца такого блестящаго молодого сановника удовлетворяло бы всякое самолюбіе. Кандидатокъ на это званіе было не мало и Туркулу предстоялъ только трудъ выбрать. Но невѣсты и ихъ маменьки скоро смекнули, что Туркулъ никогда не женится; женщины же другой категоріи не отчаявались и не переставали открыто охотиться за нимъ. Онѣ не знали, что Игнатій Лаврентьевичъ ничего въ свѣтѣ такъ не боялся, какъ того, что въ свѣтѣ называютъ связью, а болѣе всего связи съ женщиной высшаго общества. Одна знаменитая актриса французскаго театра въ Петербургѣ давала у себя небольшіе вечера, гдѣ собиралось очень порядочное общество. Туркулъ бывалъ тамъ съ нѣсколькими молодыми людьми своего кружка, самъ пріятно проводилъ время и былъ душою тѣхъ легкихъ остроумныхъ бесѣдъ, характеръ которыхъ съ точностью передаетъ только французское слово *sauseries*. Къ несчастью, хозяйка страстно влюбилась въ него; она думала, что ничего не можетъ быть легче, какъ, оказывая это своему предмету, завязать съ нимъ une liaison en règle. Не тутъ-то было: послѣ первой несомнѣнной демонстраціи, Туркулъ пересталъ бывать у M^{lle} В.....г, и несмотря на всё свои старанія, она возвратилась въ Парижъ, не увидавъ его болѣе.

Въ этомъ характерѣ было что-то загадочное. Красотѣ онъ отдавалъ справедливость, любовался даже ею и тонко анализировалъ, но все это безъ малѣйшаго увлеченія, такъ кладнокровно и безучастно, какъ живописецъ или скульпторъ оцѣниваетъ хорошенькую восковую куклу. Можно положительно сказать, что никто не видѣлъ Туркула влюбленнымъ или хотъ серьезно заинтересованнымъ женщиною; онъ казался застрахованнымъ отъ любви.

Варшавская молва представляла его какимъ-то Фоблазомъ въ средѣ гризетокъ низшаго разряда. Молва эта вышла изъ салоновъ высшаго общества, не прощавшаго Туркулу, что онъ игнорируетъ его, но въ его отношеніяхъ къ гризеткамъ, не было ничего, кромѣ благодушнаго, дружественнаго участія къ ихъ положенію.

Приведу одинъ примѣръ въ нашу бытность въ Варшавѣ: у самаго пражскаго огрудка утонулъ, купаясь, монахъ августіанъ. Въ тотъ же вечеръ дѣвушки съ ужасомъ разсматривали, какъ вислянскіе перевозчики вытаскивали изъ рѣки трупъ. Они прибавили, что теперь

боятся ходить ночью въ садъ, гдѣ можетъ показаться утопленникъ, умершій безъ покаянія; Туркуль всячески ихъ успокоивалъ. На другой вечеръ, послѣ ужина, въ томъ же огрудкѣ, оставивъ министра съ паннами и еще двумя нашими собесѣдниками въ особой комнатѣ, я пошелъ въ садъ прогуляться и тутъ пришла мнѣ отъ скуки мысль пострадать дѣвушекъ. Я возвратился къ нашей компаніи и, запыхаясь, разсказалъ, что, дойдя до Вислы, увидѣлъ выходящаго на берегъ августіана безъ головы. Панны страшно перепугались и не хотѣли слушать Туркула, доказывавшаго, что это была галлюцинація моего воображенія. Возвращаясь въ городъ, министръ разговаривалъ съ другими его спутниками, но со мною ни слова. Я и на другой день замѣтилъ, что онъ на меня дуется. Только за обѣдомъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „какъ вы вчера напугали дѣвушекъ; бѣдныя, вѣрно, всю ночь не спали...“ Потомъ прибавилъ: „наше дѣло способствовать къ просвѣщенію низшихъ классовъ, а не утверждать ихъ въ суевѣріи; бѣдныя не виноваты, что ихъ не просвѣщали“. Это былъ первый и послѣдній выговоръ, который я услышалъ отъ моего начальника. Я сказалъ, что нарочно выдумалъ сказку, чтобы сегодня еще посмѣяться надъ легковѣріемъ дѣвушекъ, признаться въ выдумкѣ и тѣмъ вылечить ихъ отъ страха. Я такъ и сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ и при этомъ случаѣ произнесъ цѣлую диссертацию о нелѣпости и даже о грѣховности подобныхъ вѣрованій. Министръ, возвращаясь домой, горячо благодарилъ меня.

Въ Варшавѣ много также говорили объ отношеніяхъ между Турбуломъ и извѣстной историческою львицей Лолла Монтесть. Она заѣхала туда на пути въ Петербургъ, гдѣ хотѣла быть ангажирована для спектаклей, которые должны были даваться по случаю свадьбы великой княжны Александры Николаевны. За эксцентрическія выходки въ танцѣ и за дерзость, сказанную со сцены директору театровъ Абрамовичу, она была выслана изъ Варшавы, но объѣхала кругомъ и чрезъ Пруссію прибыла въ Петербургъ. Тамъ директоръ театровъ Геденовъ, не знавшій, что было въ Варшавѣ, велъ уже съ нею переговоры, когда получено было отъ намѣстника извѣстіе и Лоллу съ жандармскимъ офицеромъ выслали также и изъ Петербурга.

Я спрашивалъ Туркула о его знакомствѣ съ знаменитой куртизанкой. Онъ сказалъ, что она была у него на общемъ приѣмѣ въ качествѣ просительницы по случаю столкновеній съ театральною дирекціей; онъ тоже былъ у нея два раза, но, кромѣ дружескихъ, не было между ними другихъ отношеній. Въ доказательство показывалъ ея письма, гдѣ она въ скромныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ благодаритъ его за благіе совѣты и за участіе. „Вы понимаете, приба-

вилъ министрѣ, что если бы между нами было что-нибудь такое, о чемъ говорили въ Варшавѣ, то нѣ писемъ этой лъвицы былъ бы совсѣмъ иной". Я однако-жъ не исполнѣ повѣрилъ этимъ документамъ: Лолла была женщина очаровательная.

Туркулъ былъ отъявленный противникъ суевѣрія. Когда графы Браницкіе, Владиславъ и Александръ, въ сороковыхъ годахъ прѣзжали по дѣламъ въ Петербургъ, министръ часто обѣдалъ у нихъ. Особенностью этихъ обѣдовъ было то, что въ сервировкѣ соединено было все, что въ популярномъ вѣрованіи разныхъ народностей считается дурнымъ предзнаменованіемъ: тринадцать человѣкъ за столомъ, три свѣчи, опрокинутая солонка, ножи и вилки, сложенные крестомъ. Это всѣхъ забавляло и Туркулъ первый шутилъ надъ страшной символикой, которая однако-жъ ни у кого не отнимала апетита. И что-жъ? такой человѣкъ, какъ онъ, имѣлъ сильный предрасудокъ, тщательно скрываемый, который однако-жъ чиповники его разгадали; онъ боялся пускаться въ дорогу въ понедѣльникъ. Когда государемъ, ѣхавшимъ въ Варшаву, назначенъ былъ министру, для прибытія туда же, такой день, что по расчету времени ему нужно было выѣхать изъ Петербурга въ роковой день, онъ медлилъ такъ, чтобы сѣсть въ экипажъ послѣ полуночи. Мы разгадали это потому, что онъ довольно неискусно хитрилъ; вечеромъ въ понедѣльникъ, когда все было готово къ отъѣзду, выдумывалъ разные дѣла, заставлялъ насъ писать бумаги, вовсе не свѣдѣющія къ его подписанію, переправлялъ ихъ безъ надобности, давалъ по нѣскольку разъ перечисывать и все это для того, чтобы дотянуть время до полуночи. Когда же часъ этотъ пробилъ, то хотя бумаги не были готовы, приказывалъ ихъ прислать къ нему въ Варшаву, а самъ прощался и уѣзжалъ.

Надо же, чтобы случай оправдалъ эти суевѣрные опасенія. Въ послѣдній разъ, отправляясь въ путь, онъ отступилъ отъ своего правила и уѣхалъ въ понедѣльникъ вечеромъ. Въ дорогѣ онъ тяжело заболѣлъ своимъ хроническимъ недугомъ и, привезенный въ Варшаву въ отчаянномъ положеніи, чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Чувство деликатности въ отношеніяхъ съ людьми развито было у Туркула въ высшей степени. Въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ графъ Фредро, бывший гвардейскій офицеръ, имѣвшій какое-то придворное званіе, женатый на графинѣ Головиной. Онъ часто заѣзжалъ по утрамъ къ Туркулу въ канцелярію, въ домъ Мижуева, у Симеоновскаго моста. Въ одно утро, когда, побесѣдовавъ, графъ простился и уходилъ, Туркулъ, какъ вѣжливый хозяинъ, провожалъ. Отворяя дверь въ переднюю, начались церемоніи; гость не пускалъ далѣе Туркула и, вошедши въ переднюю, сильно захлопнулъ

за собою дверь, но какъ провожавшій держался за нее, то прищемилъ ему конецъ указательнаго пальца правой руки и буквально раздавилъ его. Несмотря на жестокую боль, Туркулъ имѣлъ настолько самообладанія, что не испустилъ ни малѣйшаго крика, и графъ уѣхалъ не зная, что надѣлалъ своими церемоніями. Тутъ же, еще весь дрожащій отъ боли, Туркулъ взялъ со стѣхъ насъ обѣщаніе, что никто ничего Фредру не скажетъ. Палець страшно разболѣлся, вся рука распухла; послали за Арндтомъ, а государь, узнавъ о случившемся, прислалъ лейбъ-хирурга Тарасова. Больной, съ рукою, вздернутой къ верху въ компрессахъ, мучился невыразимо; онъ семеро сутокъ пролежалъ безъ сна, не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Наконецъ, Арндтъ, признавъ, что время пришло, не предупредивъ больного и дѣлая видъ, будто осматриваетъ палець, взялъ его въ руки и однимъ разомъ оторвалъ поврежденный конечный суставъ. Туркулъ скоро выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ носилъ искусственный конецъ пальца, привязанный къ рукѣ, могъ свободно писать, но долженъ былъ отказаться отъ одного изъ любимыхъ своихъ развлеченій, игры на фортепьяно. Для Фредра онъ выдумалъ какую-то сказку, хотя рассказывалъ, что во время болѣзни видъ графа былъ для него страшною пыткой; онъ потрясалъ всю нервную систему и усиливалъ страданія. А тотъ, какъ бы нарочно, считалъ своимъ долгомъ навѣщать больного каждый день, просиживать цѣлые часы и развлекать его нескончаемыми разговорами. И Туркулъ ни разу не рѣшился отказать ему, не показалъ ни малѣйшимъ знакомъ, какъ тяжелы для него эти визиты, и съ пріятною миною поддерживалъ бесѣду и благодарилъ за посѣщеніе. Онъ это дѣлалъ, боясь, чтобы Фредро не догадался. Графъ такъ и умеръ, не подозрѣвая, что онъ причинилъ пріятелю такую муку.

Отношенія Туркула къ подчиненнымъ были полны деликатности и благодушія. До 1830-хъ годовъ, когда все еще писалось по-французски и по-польски, за выbytіемъ изъ секретаріата перваго секретаря, графа Юсіфа Соболевскаго, все французское Туркулъ редактировалъ самъ. Для польской корреспонденціи онъ имѣлъ хорошихъ помощниковъ, но на второстепенныхъ чиновниковъ до того нельзя было положиться, что было время, когда Туркулъ, бывши уже товарищемъ министра, долженъ былъ самъ наблюдать за веденіемъ входящаго и исходящаго журналовъ, гдѣ записывается вкратцѣ содержаніе бумагъ. Въ послѣдствіи, со введеніемъ русскаго языка и съ учрежденіемъ кодификаціонной коммисіи, положеніе это улучшилось.

Онъ умѣлъ придать службѣ характеръ ассоціаціи, такъ что каждый чувствовалъ себя ея морально-отвѣтственнымъ членомъ и охотно трудился, какъ бы для самаго себя. Развѣтіе въ служащихъ такого пони-

манія, внушеннаго любимымъ и уважаемымъ начальникомъ, оказалось лучшимъ средствомъ для возбужденія въ нихъ усердія и даже самопожертвованія на пользу дѣла.

Туркулъ любилъ словопренія о предметахъ серьезныхъ. Со мною безпрестанно возобновлялся и никогда не доходилъ до окончательнаго рѣшенія диспутъ объ одномъ и томъ же—о польскомъ языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ („Петербургъ 1820—1830-хъ годовъ“, „Русская Старина“ изд. 1874) рассказано, какъ я изучалъ этотъ языкъ по древнимъ источникамъ, заключающимъ въ себѣ пастоящія сокровища. Я считалъ себя и, можетъ быть, не безъ основанія, знающимъ его и въ первобытной энергической простотѣ, и въ томъ раціональномъ развитіи, которое онъ получилъ, слѣдуя за успѣхами обще-европейской цивилизаціи, но всегда, опираясь на твердую основу внутренней своей природы и неподверженныхъ измѣненію формъ, что именно и составляетъ непремѣнное условіе истиннаго лингвистическаго прогресса. Согласно такому пониманію, я утверждалъ, что въ Царствѣ Польскомъ, Галиціи и Познани, польскій языкъ, особенно литературный и научный, выролдился и не перестаетъ извращаться все болѣе и болѣе: въ первомъ отъ вліянія галицизма и отъ чудовищныхъ нововведеній, въ послѣднихъ же отъ вторженія германизма. По моему мнѣнію, чистый польскій языкъ, со всѣми требуемыми прогрессомъ мысли усовершенствованіями, сохранился въ одной Литвѣ, въ образованныхъ ея классахъ и въ произведеніяхъ ея литераторовъ. Этимъ Литва главнѣйше обязана бывшему Виленскому университету, прекрасно преподаваемой въ немъ польской словесности, и нѣкоторымъ его профессорамъ, образцовымъ писателямъ. Туркулъ горячо отстаивалъ въ этомъ отношеніи Варшаву, но главнымъ, всегда повторявшимся, его доводомъ было то, что городъ этотъ былъ нѣкогда столицей всей Польши и что нельзя допустить, чтобы кака-нибудь провинція имѣла надъ ней лингвистическое преимущество. Это былъ вовсе не сильный аргументъ; онъ опровергался на практикѣ многими примѣрами въ другихъ странахъ, и на этомъ именно аргументѣ удалось мнѣ поймать моего антагониста по собственнымъ его же словамъ.

Туркулъ и Тенгоборскій ¹⁾ были товарищи по Вѣпскому университету. Разъ, на одномъ обѣдѣ въ Петербургѣ, гдѣ были оба они и я, старше товарищи стали припоминать студенческое время, свои похожденія и маленькія проказы. Въ этихъ воспоминаніяхъ они отъ всего сердца смѣялись надъ жителями Вѣны, за ихъ неправильный выго-

¹⁾ Состоявшій прежде при посольствѣ въ Вѣнѣ, потомъ членъ государственнаго совѣта.

воръ нѣмецкаго языка и грамматическія ошибки. Это какъ нельзя лучше опровергало главное основаніе Туркула въ диспутѣ со мною. Давши имъ насмѣяться вдоволь, я сказалъ: „прошу вашего позволенія, г. министръ, внести ваши слова въ протоколъ“¹⁾. — Почему это? — „Увидимъ послѣ“. Вставши изъ-за стола, я, не давая простить только что слышанному, сказалъ: „Вѣдь Вѣна главный городъ Германіи, столица имперіи, а между тѣмъ, по вашимъ же словамъ, тамъ языкъ нѣмецкій хуже чѣмъ въ маленькомъ Дрезденѣ, чѣмъ въ меньшей еще, далекой отъ этого центра Митавѣ; извольте это примѣнить къ нашему спору о Варшавѣ и Вильнѣ“. На такое „dictum aserbun“ Туркуль только разсмѣялся и воскликнулъ: „Охъ, ужъ вы забытый литвинъ!“ Пошелъ въ другую комнату къ Тенгоборскому и, рассказавъ ему въ чемъ дѣло, прибавилъ: „Преждедавскій торжествуетъ, онъ, правда, поймалъ меня на одномъ членѣ моего силлогизма; но это еще ничего не доказываетъ, съ Вѣною и Митавою это такъ, а съ Варшавою и Вильною, можетъ быть, напротивъ“. Я тогда понялъ, что распря наша никогда не кончится, и что, говоря дипломатическимъ слогомъ „вопросъ остается открытымъ“.

Въ подавніяхъ бѣднымъ Туркуль былъ не только щедръ, но и деликатенъ до крайности, до смѣшнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Изъ нпшихъ, осаждавшихъ входъ въ церковь св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, самая безобразная и самая нахальная старуха Романская была его пенсіонеркой. Туркуль бывалъ каждое воскресенье въ этой церкви. Послѣ обѣдни онъ обыкновенно прохаживался около часу по Невскому и зазывалъ изъ церкви ходить съ нимъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ или знакомыхъ. Романская почти каждый разъ считала своимъ долгомъ провожать его до Полицейскаго или до Аничкова моста. Она шла рядомъ съ министромъ и все время безъ умолку болтала. Туркуль никогда ни словомъ, ни жестомъ не показывалъ ей своего неудовольствія за такую фамильярность. Проходящіе съ удивленіемъ оглядывались на эту пару макбетовской колдуньи съ такимъ изящнымъ кавалеромъ. Но послѣдній не обращалъ на это вниманія, бесѣдуя съ своею дамой въ лохмотьяхъ. На пути встрѣчались знакомые, раскланивались, останавливались и обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими словами. Но баба ничѣмъ не смущалась и продолжала идти съ нимъ. Однажды кто-то замѣтилъ Романской, что лучше бы она отстала; она дерзко отвѣтила: „когда министръ ничего не говоритъ, вамъ какое дѣло!“ Туркуль же прибавилъ: „laissez la faire, la pauvre femme, si cela lui fait plaisir“²⁾.

¹⁾ Prendre acte de vos paroles.

²⁾ Оставьте эту бѣдную женщину, если ей это доставляетъ удовольствіе.

Послѣ всего сказаннаго, чтобы начертанный портретъ былъ вполнѣ правдивъ, необходимы въ немъ и тѣни. Такою тѣнью, то-есть слабою стороною Туркула, была его страсть къ азартной игрѣ. Онъ предавался ей, когда только представлялся случай, и всегда безъ всякаго расчета; отказался же отъ ней только въ послѣднія пять или шесть лѣтъ. Онъ много проигрывалъ и приписывалъ это своему несчастью, но не совсѣмъ справедливо. Правда, никто не видалъ его съ выигрышемъ за зеленымъ столомъ. Но, во-первыхъ, онъ игралъ съ кѣмъ случалось и часто попадалъ на шулеровъ, а во-вторыхъ, когда игра была честная и Туркулъ былъ въ выигрышѣ, иногда значительномъ, онъ никогда не останавливался, а игралъ до тѣхъ поръ, пока плюсъ превращался въ минусъ. Въ игрѣ онъ не имѣлъ другой цѣли, кромѣ самой игры; она удовлетворяла его потребности сильныхъ ощущеній. Это доказывается тѣмъ, что ему случалось дѣлать такую азартную партію, какъ квинтичъ, втроемъ, съ двумя извѣстными всему Петербургу и ему самому шулерами Б. и Г. Онъ самъ былъ напередъ увѣренъ въ проигрышѣ. Можно себѣ представить, какъ этою страстью широко пользовались карточные коршуны.

Постоянные проигрыши ставили Туркула въ затруднительное положеніе, а иногда и въ непріятную зависимость. Несмотря на монаршія щедроты, на самую скромную жизнь и на совершенное въ послѣдніе годы воздержаніе отъ игры, старые грѣхи трудно было загладить и Игнатій Лаврентьевичъ всегда былъ въ болѣе или менѣе стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

При преобладающихъ блестящихъ качествахъ ума и сердца въ характерѣ Туркула было не мало контрастовъ и даже противорѣчій. Это болѣе или менѣе общая характеристика каждаго изъ насъ; но чѣмъ анализируемая личность знаменитѣе и по своему положенію выше, тѣмъ аномаліи эти виднѣе и поразительнѣе.

Туркулъ умеръ лѣтомъ 1857 года, въ Варшавѣ; ему было шестьдесятъ лѣтъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Скрыпидынъ въ 1874 году перешелъ въ область тѣней, поэтому, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, я скажу о немъ, что думаю.

Онъ былъ человѣкъ замѣчательно умный и замѣчательно остроумный. Это послѣднее качество, именно то, что по-французски называется *esprit*, придаетъ собственно разуму (интеллигенціи) особенный блескъ, но не всегда оказывается полезнымъ его пособникомъ. Популярная поговорка, имѣющая всѣмъ известное значеніе, «умъ за разумъ зашелъ», могла бы быть пополнена еще болѣе практичнымъ изрѣченіемъ: «умъ зашелъ за остроуміе». Это тотъ фазисъ состоянія мышленія, въ которомъ блескъ проявляется въ ущербъ глубинѣ мысли и который французы опредѣляютъ, говоря: «*les hommes d'esprit sont souvent bêtes*» ¹⁾. И это вовсе не парадоксъ. Скрыпидынъ былъ подверженъ такимъ частнымъ затмѣніямъ отъ прохожденія планеты остроумія чрезъ дискъ солнца интеллигенціи.

При томъ же надо замѣтить, что есть разныя категоріи ума; онѣ хотя и не абсолютны и съ исключеніями, но распределяются по народностямъ. Никто не станетъ спорить, что умы англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, въ самой природѣ своей и въ проявленіяхъ имѣютъ особый отпечатокъ, отдѣльную характеристику. Она обуславливается различіемъ составныхъ элементовъ народной интеллигенціи, а въ числѣ ихъ важное значеніе имѣютъ обстоятельства мѣста, въ особенности времени, именно относительное старшинство цивилизаціи, исторической опытности, слѣдовательно, — зрѣлости.

Въ европейской группѣ интеллектуальныхъ индивидовъ, умъ славянскій является также съ своимъ своеобразнымъ складомъ и своими особенностями. Этотъ видъ ума имѣетъ и качества, и недостатки молодости, неопытности. Качество—это энергія, благонамѣренность; недостатки—это изпущенная самонадѣянность, несознание необходимости и подготовки, склонность въ примѣненіи ума къ азартной игрѣ, называемой авось. Умный славянинъ, чувствуя въ себѣ силу, этимъ уже довольствуется, пренебрегаетъ выдержкой и усидчивостью, мало вѣрится въ науку (?!), считая ее роскошью, зато вѣрится въ какое-то наспіе (!), которое безъ труда посвятить его во все, о чемъ толкуютъ науки. Едва получивъ первоначальное образованіе, онъ думаетъ, что все остальное «собственнымъ умомъ» постигнетъ, считаетъ себя способнымъ ко всякому поприщу и готовъ, какъ Ппкъ-де-Мирандоль, держать диспутъ «*de omni re scibili*» ²⁾. Только въ самое послѣднее время иллюзіи эти стали у насъ мало по малу меркнуть, мы начинаемъ, хотя не всѣ еще, понимать, что, дабы что-нибудь умѣть, надо этому чему-нибудь учиться. Но давно-ли было время, когда всякій, дожившій до чина статскаго совѣтника или полковника и сдѣлавшій въ отставкѣ его превосходительствомъ, считался уже *ipso facto*, способнымъ къ занятію высшихъ должностей по всѣмъ возможнымъ вѣдомствамъ, и дѣйствительно ихъ

¹⁾ Умные люди бываютъ часто глупы.

²⁾ Еще разъ оговариваемся, что все это не абсолютно и не безъ исключеній. Вообще—говоря о характерахъ или цивилизаціи народа разумѣется лишь его большинство. О. П.

занималъ, и ни онъ самъ себя, и никто его не спрашивалъ, имѣеть-ли хотя поверхностное понятіе о вѣрѣнной ему части?

Покойный Скрыпницъ, при своемъ природномъ умѣ, свѣтскомъ лоскъ и неглубокой эклектической образованности, не свободенъ былъ отъ главнаго недостатка въ большинствѣ интеллигенціи славянъ. Онъ слишкомъ на себя надѣялся и думалъ, что однимъ умомъ постигнетъ и выполнитъ условія своего положенія. Департаментъ, который былъ ему ввѣренъ, безспорно самый трудный по части управленія. Директоръ имѣеть дѣло съ элементами, чуждыми русскому чело-вѣку, требующими свѣдѣній, которыя ни въ какомъ учебномъ заведеніи не преподаются и которыхъ дать не можетъ даже гению никакое вдохновеніе, никакія умозаключенія а priori. Чтобы быть хорошимъ директоромъ этого департамента, необходимо изучить, по крайней мѣрѣ, существенныя основы каждаго изъ вѣроисповѣданій, духовными дѣлами которыхъ онъ завѣдываетъ: это исходная точка, это азбука положенія. Не могу судить о другихъ частяхъ этого управленія; но что касается католицизма, знаю положительно, что Скрыпницъ былъ мало свѣдующъ какъ въ основахъ этого ученія, такъ и въ органическихъ и дисциплинарныхъ законахъ церкви. Отсюда происходили частыя столкнове-нія и недоразумѣнія, имѣвшія иногда важныя послѣдствія, и о которыхъ не могло бы быть и рѣчи при лучшемъ знаніи дѣла.

Кромѣ этихъ данныхъ, я имѣлъ явный примѣръ не далѣе какъ въ 1873 г. Скрыпницъ, какъ извѣстно, оставивъ службу, нѣсколько уже лѣтъ жилъ за границей. Мы встрѣтились съ нимъ въ Петербургѣ и нѣсколько разъ бесѣдо-вали какъ старые знакомые. Разъ зашла рѣчь о новомъ догматѣ безошибочности папы ¹⁾. Отъ него мы перешли къ вопросу о возможности соединенія церквей. Валерій Валерьевичъ сказалъ:

— «Можемъ-ли мы когда-нибудь соединиться съ церковью, глава которой то и дѣло направо и налѣво бросаетъ проклятія!»

— «Какія проклятія? спросилъ я съ удивленіемъ. Папа не проклинаетъ ни-кого».

— «Какъ не проклинаетъ, а анаема на Виктора-Эмануила и его мини-стровъ за конфискацію монастырскихъ имѣній?»

— «А, такъ вы анаему считаете проклятіемъ?»

— «Да какъ же иначе», сказалъ съ полною увѣренностью мой диспутантъ.

Тутъ уже надо было ему объяснить, что анаема ничто иное, какъ торже-ственное заявленіе, что данная доктрина, или дѣйствія даннаго субъекта, при-знаются противными ученію и правиламъ церкви, и потому то и другое ею отвергается. Слово это не иначе понимается и восточною церковью и ни въ какомъ случаѣ не значить проклятія. Церковь не только не проклинаетъ тѣхъ, на которыхъ изрекаетъ анаему, а, напротивъ, молится о нихъ. Впрочемъ, сказанное здѣсь явствуетъ и изъ самаго значенія греческаго слова. Ана—есть отрицаніе, ема—тема (ученіе) церкви; вмѣстѣ же слово значить: вѣдъ церкви, вѣдъ общенія. Послѣ такого объясненія я не вытерпѣлъ и высказалъ Скрыпницъ мое удивленіе, что онъ, управлявшій нѣкогда духовными дѣлами, могъ не знать этого.

¹⁾ Латинское названіе этого догмата infallibilitas не совсѣмъ вѣрно перево-дится по-русски непогрѣшимостью. Въ составъ этого послѣдняго слова вхо-дитъ понятіе грѣха, что ведетъ къ смѣшенію понятій. Безгрѣшность или непо-грѣшимость по-латыни было бы impeccabilitas.

Описанное столеновѣніе съ министромъ Царства Польскаго добавляетъ, что умъ Скрыпидына далеко не былъ тотъ глубокій умъ, который не увлекается страстью, предусматриваетъ послѣдствія всякаго дѣянія и всегда неразлученъ съ добросовѣстностью.

II.

Дѣла о признаніи въ дворянствѣ лицъ польскихъ и литовскихъ фамилій, до того фазиса, который мы имѣемъ представить въ настоящемъ «Примѣчаніи», производились и рѣшались въ Петербургѣ очень неудовлетворительно. И въ прежнемъ своемъ составѣ изъ герольдмейстера и двухъ его товарищей, и по преобразованіи ея въ департаментъ сената, герольдія не имѣла ни особой инструкціи въ руководство по этимъ дѣламъ, ни достаточныхъ свѣдѣній, обуславливающихъ сужденіе о такомъ дворянствѣ, которое отличается множествомъ своеобразныхъ, исключительныхъ особенностей. Для этого необходимы были спеціальныя историческія данныя, которыхъ нѣтъ не имѣлъ. Такое положеніе открывало обширное поле всякому произволу и этимъ широко пользовались второстепенные дѣятели для своихъ корыстныхъ вѣдъ.

Графъ В. Н. Панинъ, вскорѣ по назначеніи его министромъ юстиціи, по доходящимъ до него дѣламъ герольдіи, замѣтилъ упомянутый недостатокъ. Поэтому онъ, принявъ за правило, во всѣхъ такихъ случаяхъ, гдѣ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ особенностей польскаго дворянства, испрашивать заключенія министра статсъ-секретаря Царства Польскаго. Это, конечно, дѣлалось по предварительному обоюдному соглашенію¹⁾. Туркулъ, справедливо или нѣтъ, считая меня специалистомъ по польской геральдикѣ, поручалъ мнѣ составленіе требуемыхъ заключеній. Они бывали довольно обширны; пользуясь вопросами по частнымъ случаямъ, излагаемымъ въ отзывѣхъ графа Панина, я старался помѣстить сколько было возможно данныхъ съ историческими выводами, могущими имѣть общую примѣнимость.

Изъ такихъ отношеній министр юстиціи прежде всего убѣдился, что притѣснительно и нецѣлесообразно было бы отъ отыскивающихъ польскаго дворянства требовать представленія жалованныхъ грамотъ на это достоинство, что даже существованіе такихъ грамотъ въ большей части случаевъ показывало бы относительно недавнее дворянство, и что лучшими документами служить акты, удостоверяющіе, что кто-либо изъ предковъ просителя въ прямой линіи носилъ одно изъ такихъ почетныхъ званій, или занималъ одну изъ такихъ должностей, которыя исключительно были жалуемы или предоставляемы древнимъ признаннымъ дворянамъ. Вслѣдствіе такого убѣжденія, министр юстиціи естественно пришелъ къ заключенію, что, дабы правильно рѣшать дѣла этого рода, необходимо имѣть полное свѣдѣніе о всѣхъ тѣхъ званіяхъ и должностяхъ, которыя сами по себѣ не давали дворянства, но несомнѣнно доказывали происхожденіе даннаго лица отъ древняго дворянскаго рода, и что настоящему просителю предстояло только доказать свое происхожденіе отъ такого лица. Съ этою цѣлью, по совѣщанію съ Туркуломъ, графъ Панинъ отнесся циркулярно къ губернскимъ предводителямъ дворянства западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерній о сообщеніи ему всѣхъ имѣющихся у нихъ по этому предмету свѣдѣній.

¹⁾ Прошу сравнить это съ тѣмъ, что выше сказано о Скрыпидынѣ. Графъ Викторъ Никитичъ не полагался на себя, и въ чуждомъ ему предметѣ спрашивалъ тѣхъ, которые были близко съ нимъ знакомы.

О. II.

По полученіи отвѣтовъ, графъ всю переписку по этому дѣлу препроводилъ къ Туркулу, прося его, какъ изъ полученныхъ отъ предводителей, такъ и изъ другихъ извѣстныхъ ему данныхъ, составить и сообщить министру юстиціи полный списокъ званій и должностей, которые королямъ и правительствомъ бывшей Польши жалуютъ и предоставляемы были лицамъ исключительно дворянскаго сословія.

Исполненіе этого было также возложено на меня. Сознывая важность предмета и не полагаясь на одни свои знанія, я совѣтовался съ литовскимъ метрикантомъ Малевскимъ и членомъ законодательной комисіи Заборовскимъ и при ихъ содѣйствіи составилъ требуемые списки съ возможною полнотою и точностью. Списки эти сообщены были графу Паницу, предложены имъ департаменту герольдіи въ постоянное руководство при разсмотрѣніи дѣлъ о дворянствѣ польскихъ и литовскихъ фамилій и распубликованы при сенатскихъ указахъ.

III.

Лолла Монтесъ, въ своемъ родѣ знаменитость, заслуживаетъ подробной біографіи. Всѣмъ извѣстны ея подвиги, какъ она въ Берлинѣ, на парадѣ, явившись амазонкой верхомъ, нанесла хлыстомъ жандармскому офицеру чувствительные удары по лицу, какъ въ Варшавѣ, кружась въ пируэтѣ фантастическаго танца своего сочиненія, развязала себѣ подвязку и бросила ее въ лицо зрителямъ перваго ряда кресель, а главное, какъ вскружила голову старому баварскому королю Людовику I, чѣмъ и было причиной его отреченія. Король пожаловалъ ей титулъ графини Лансфельдъ, подарилъ прекрасный домъ въ Мюнхенѣ, на углу двухъ главныхъ улицъ, а она сыграла съ нимъ слѣдующій фарсъ. Въ томъ же домѣ, днемъ, въ виду всего города, усадила короля на открытомъ балконѣ, впустила туда же козла съ большими рогами и, ускользнувъ сама, заперла дверь на ключъ. Она тогда страстно была влюблена въ красиваго молодого помѣщика Царства Польскаго Д...вича; онъ за эту связь былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ дослужился до Георгіевскаго креста и офицерскаго чина въ гусарахъ. Въ мюнхенскомъ дворцѣ есть большая зала, вся наполненная портретами красивыхъ женщинъ. Король Людовикъ, какъ любитель изящнаго, основатель Вальгаллы, знаменитыхъ музеевъ Пинакотекы и Гиппотекы, украсившій свою столицу множествомъ образцовыхъ памятниковъ, упрасивалъ не только мюнхенскихъ, но и пріѣзжихъ красавицъ, чтобы они позволили придворному живописцу снять съ себя портреты, и помѣщалъ ихъ въ этой залѣ. Самый красивый изъ портретовъ изображаетъ дочь одного мюнхенскаго сапожника. Между портретами одна пустая рамка, завѣшенная покрываломъ: тамъ былъ портретъ Лоллы Монтесъ; молодой король велѣлъ его вынуть. Мери, упрекая ее за то, что при блестящихъ своихъ качествахъ она приняла титулъ графини, говоритъ въ стихотвореніи къ ней:

«De ces vains honneurs ne sois point jalouse;

«Ton meilleur parchemin, c'est ta peau d'andalouse!»

Бурныя свои похождения Лолла кончила въ Калифорніи; нѣсколько разъ выходила замужъ, не дожидаясь, чтобы овдовѣть. Послѣдній супругъ, грубый американскій морякъ, мстилъ своей женѣ за берлинскаго жандарма тѣмъ же орудіемъ, которымъ она такъ ловко расправлялась.

О. А. Пржецлавскій.

